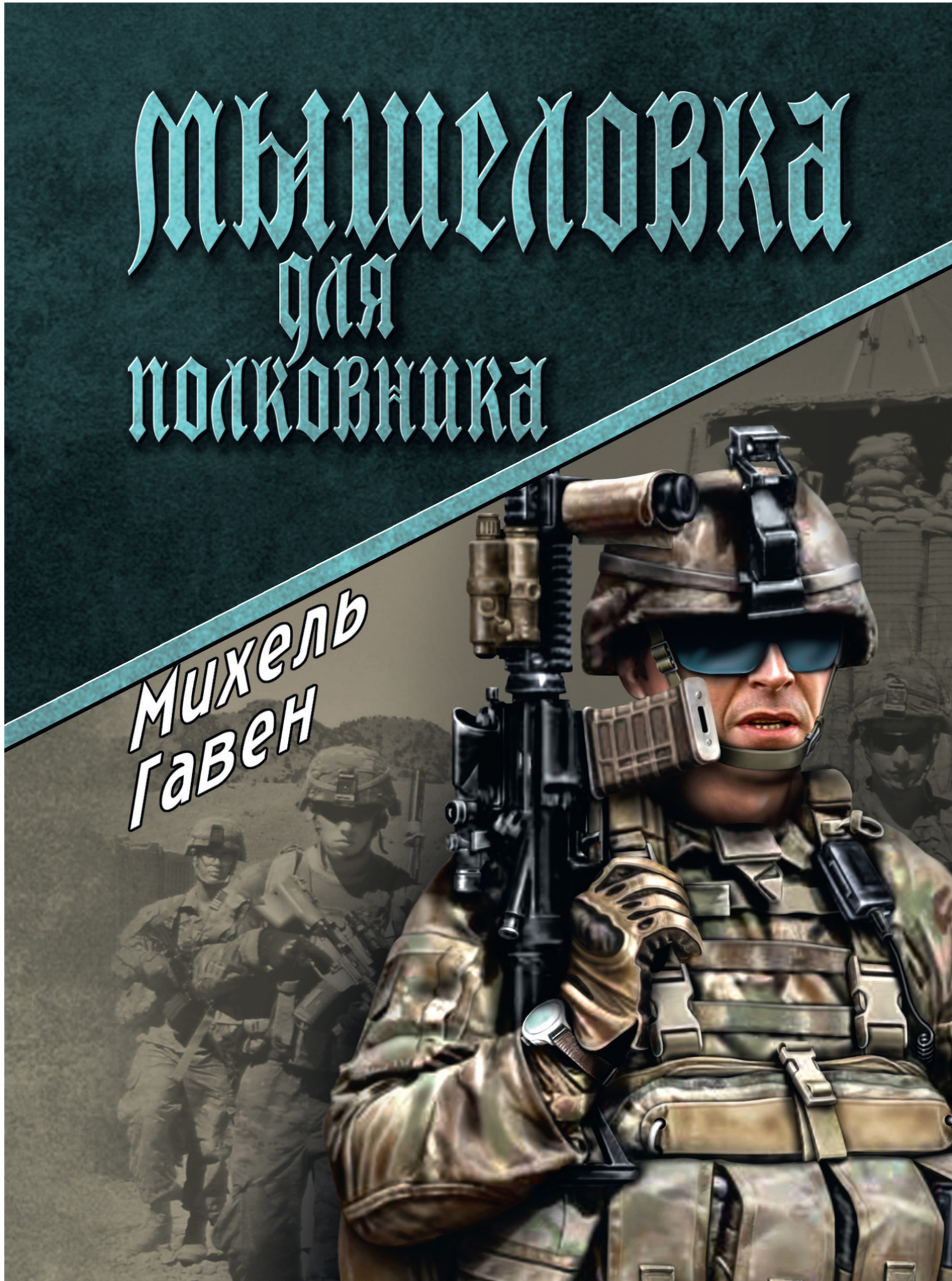

мышеловка для подковника

Михель
Гавен

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Михель Гавен

Мышеловка для полковника

«ВЕЧЕ»

2014

Гавен М.

Мышеловка для полковника / М. Гавен — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8854-6

2010-е годы. Афганистан. В распоряжение боевиков Талибана в результате технической ошибки попадает американский дрон-беспилотник, снабженный секретным оборудованием. Расследование показывает, что ошибка произошла не случайно — это результат деятельности опытного агента. Агентство национальной безопасности и ЦРУ берут его след, разрабатывается операция по уничтожению шпиона, но для ее успешного проведения крайне необходима помощь российских спецслужб...

ISBN 978-5-4444-8854-6

© Гавен М., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Михель Гавен

Мышеловка для полковника

Even the wise cannot see all ends.

(И самым мудрым не дано предвидеть исход всего.)

Д. Р. Р. Толкиен

1

Уши заложило, Джин ощутила легкое покалывание – самолет начал снижаться. Спустя несколько минут в иллюминаторе промелькнули вершины гор, окутанные голубым туманом. Слегка вздрогнув, самолет коснулся посадочной полосы и покатил вдоль укрытых маскировочной сеткой ангаров. Сухой пыльный ветер пахнул Джин в лицо, едва она ступила на трап. Даже глаза защищало с непривычки.

– Мэм, капитан Джон Робинс, мне поручено встретить вас.

К ней подошел высокий чернокожий офицер с эмблемой медицинского корпуса на рыжей пятнистой форме. Отдал честь.

– Как долетели, мэм?

– Благодарю, кэп, прекрасно. У вас здесь солнечно, как на пляже.

– Сегодня да, а так три дня бушевала пыльная буря. Да и температуры были минусовые.

Это по вашему заказу, мэм, – пошутил он.

Капитан указал на джип, ожидающий у кромки поля:

– Прошу сюда, мэм.

Затем представил водителя, прохаживающегося рядом:

– Сержант Билл Саммерс.

Тот вытянулся, отдал честь.

– Садитесь, не будем терять времени.

Робинс обошел джип, распахнул заднюю дверцу.

– Прошу, мэм.

– Благодарю.

Джин села в машину. Робинс занял место рядом с водителем. Когда выезжали с аэродрома, Джин заметила несколько куланов, пасущихся за оградой, и невольно улыбнулась.

– Вы старший в госпитале? – спросила, наклонившись к Робинсу.

– Нет, что вы, мэм, – ответил тот. – Надо мной полковник Харрис. Но он сам не смог приехать, срочная операция.

– Я понимаю.

– Тут здорово стреляли на днях, – сообщил Робинс. – Восемнадцать часов непрерывающейся пальбы, в самом центре города. Уничтожили около тридцати боевиков. В основном афганцы действовали сами, но пришлось помочь кое-где. Много раненых. Тяжелые. Среди них мирные жители, конечно. У двоих ранения головы. У одного, торговца с рынка, проникающее, этот полегче. А вот второй, полицейский, очень тяжелый. Сквозное ранение, большая кровопотеря, мы думали, он не дотянет до вашего приезда.

– И как?

– Положение стабильно тяжелое, пока держится.

– Госпиталь далеко?

– Тридцать километров, мэм.

– Как только приедем, сразу займемся этим полицейским. Его карточка готова? Описание, что и как делали, как помощь оказывалась?

– Конечно, мэм.

– Это хорошо.

И вновь привычная обстановка. Стерильная операционная, полная аппаратуры, привезенной из Штатов, военные врачи, опытные, понимающие с полуслова коллеги, с которыми легко.

– Этот парень – везунчик, – заключила Джин, рассматривая снимок повреждений у пострадавшего. – Если бы пуля вошла на сантиметр левее, правее, выше или ниже, у него не было бы даже малейшего шанса выжить. Скорее всего, он бы скончался на месте, в тот же миг. Захочешь – не сделаешь так точно и аккуратно, чтобы не задеть важнейших органов, а здесь это произошло само собой, по счастливой случайности.

– Наверное, его мать и родственники крепко просили за него Аллаха, – предположил полковник Харрис. – Мне это напоминает тот случай, в Лас-Вегасе, когда, помните, один наигравшийся в казино любитель развлечься ехал поздно ночью домой на автомобиле, заснул за рулем, врезался в забор, и ему в голову воткнулась металлическая балка. Причем воткнулась так, что не задела ни одного важного участка, просто как по волшебству. Этот счастливчик не только оставался в сознании, он еще пытался звонить жене по мобильному телефону, с балкой-то в голове. И командовал спасателям, как его лучше вытаскивать. В больницу его везли в сидячем положении, а когда трубу извлекли, это оказался кусок железа сантиметров пятнадцати.

– Да, я помню эту историю, – согласилась Джин. – Его оперировал Джей Коутс. До этого он спас жизнь дрессировщику, растерзанному тигром прямо на арене.

– Это талант, – заметил Харрис с восхищением.

– Профессионал, – сдержанно ответила Джин. – И нам сейчас тоже придется, полковник, сосредоточиться и показать лучшие профессиональные качества. Случай у нас ничуть не проще.

– Я готов, мэм, выполнять все, что вы скажете. К слову, мне сказали, что этот юноша...

Полковник Харрис наклонился к Джин:

– Какой-то родственник Масуда, из его клана.

– Какое это имеет значение? – Джин с удивлением взглянула на него. – А если бы он не был родственником? Разве от этого зависит, как мы будем его лечить? Я привыкла делать свою работу хорошо вне зависимости от того, кем является мой пациент.

– Я вовсе не это имел в виду, – Харрис смутился. – Просто как-то вспомнилось...

– Понятно. Однако мы теряем время.

Джин повернулась к анестезиологу.

– Джек, у тебя все готово?

– Давно, мэм.

– Премедикация проведена полностью?

– Так точно, мэм. Транквилизаторы, антигистаминные средства, барбитураты.

– Хорошо. Тогда подготовьте миорелаксанты, и начнем интубацию. И следите, чтобы не возникла гипоксия. – Джин наклонилась над раненым. – У него большая потеря крови, а значит, низкий гемоглобин и дефицит кислорода в клетках.

Операция закончилась, когда уже стемнело. Джин вышла из медицинского блока и осталась на крыльце. Отсюда взору открывалась панорама гор, подернутых розовой дымкой. Коричневые хребты, казалось, плывут между высокими пиками, полностью покрытыми снегом, и припорошенной долиной внизу. Издалека послышалось заунывное пение муллы, призывающего правоверных к молитве.

Дверь за ее спиной открылась, полковник Харрис вышел из блока и встал рядом.

– Дикие, пугающие места, – сказал он, – точно какой-то другой край жизни, изнанка мира, со всеми самыми отвратительными его явлениями, какие только можно себе вообразить. И даже хуже. Несчастные забитые женщины, закутанные в паранджу, испуганные, безграмотные дети. Иногда приходится слышать просто чудовищные истории. У меня здесь работает женщина, убирает палаты. Афганка, ее зовут Сакине, в четырнадцать лет ее семья практически продала ее замуж сорокапятилетнему мужчине за хороший выкуп. Он владелец ковроткацкой мастерской. Он использовал ее как еще одного бесплатного работника, а когда ему казалось, что она работает недостаточно быстро, бил ее ткацкими инструментами, следы этих побоев остались до сих пор. А однажды она случайно уронила и разбила какую-то посуду, и мать мужа остригла ее налысо. Женщина не выдержала таких унижений, сбежала из дома, пришла сюда, попросилась на работу. Мы ее взяли. Она немного успокоилась. Пытается получить развод, но муж ей отказывает, заявляя, что за нее заплачен выкуп, и она – его собственность. Вот такие здесь нравы. А еще одна, в том блоке, – доктор Харрис показал на противоположный дом, – после скандала с мужем облила себя соляркой и подожгла. Еле спасли ей ноги. Месяц уже лежит, но не то чтобы ходить, даже пошевелить ногами не может. Хотя даже если ноги восстановятся, это ненадолго утешит ее. До этого муж публично изуродовал ее за непослушание, чтобы другим женщинам в деревне было неповадно. Картина была ужасная. Брат мужа ее держал, а муж отрезал ей уши и нос, потом ее еще и избили. Неудивительно, что от всего этого она решила покончить с собой. Эту женщину зовут Айша.

Доктор Харрис помедлил.

– Я сказал ей, что вы приедете, мэм. Вы – ее единственная надежда на новую жизнь. Ваш фонд может найти ей спонсора для пластической операции. Иначе... Иначе, даже если мы поставим ее на ноги, она снова попытается покончить с собой. Это неизбежно. Вы навестите ее?

– Да, конечно. Пойдемте прямо сейчас, я поговорю с ней. Правда, я не говорю ни на дари, ни на пушту.

– Я тоже не говорю, – полковник Харрис улыбнулся. – Но у нас есть переводчик. Сейчас я вызову его.

Он вынул мобильный телефон, набрал номер и отошел на полшага.

– Лейтенант Дустум? Вы мне нужны, – он сбросил вызов. – Сейчас он придет.

Полковник продолжил рассказ:

– Да, таких случаев много, очень много. Особенно в провинции Герат. Там вообще свирепствует реакция. Недавно подожгли школу для девочек, убили нескольких активисток женского фонда. Это здесь, в Кабуле, женщины уже почувствовали себя настолько свободно, что даже приходят на службу в полицию. А в деревнях – там патриархальный уклад. Женщины неграмотные, забитые. Для них выйти из дома и куда-то пойти в одиночку, без сопровождения мужчины, – невероятный поступок...

Он вдруг спохватился:

– Кстати, мне звонили от генерала Аллена на ваш счет, простите, забыл. Они хотят, чтобы вы завтра провели занятия в женской медицинской школе. Знаете, при талибах совсем не стало женщин-врачей. А нравы тут таковы, что лечить женщину может только женщина. Как и обыскивать в полиции. Вот сейчас срочно готовим персонал. С какими трудностями мы сталкиваемся! Приходится даже объяснять, что быть самостоятельной вовсе не страшно, это намного безопаснее, чем несамостоятельной. Убеждаем, уговариваем. Ведь из-за отсутствия качественной медицинской помощи многие женщины остаются калеками, а то и вовсе не доживают до сорока лет. Вам сообщили об этих занятиях?

– Пока нет, но я, конечно, готова, – подтвердила Джин.

– Особенно трудно разговаривать с папочками и старшими братьями, – признался Харрис. – Им легче продать дочку или сестру в возрасте девяти месяцев в рабство талибам, чем растить ее, кормить, а потом еще и учить.

– Сэр, лейтенант Дустум...

К ним подошел афганец в форме Афганской национальной армии.

– Я вижу, – нетерпеливо прервал его Харрис и рекомендовал молодого человека Джин. – Отличный английский, учился в Великобритании. Помогает нам в общении с местным населением.

– Рада познакомиться. Джин Роджерс, – она протянула лейтенанту руку.

– Полковник медицинского корпуса. Наше светило, – добавил Харрис.

– Для меня честь, мэм, – лейтенант смущенно пожал ее пальцы.

– Для меня, похоже, тоже, – догадалась Джин. – Генерал Абдул-Рашид Дустум – это ваш родственник?

– Да, дядя, – признался лейтенант.

– Это прекрасная рекомендация, – кивнула Джин. – Что ж, идемте к пострадавшей. Не будем терять время.

– Меня выдали замуж, чтобы две семьи примирились.

Джин присела на край постели больной. В белесом свете лампы, висевшей над кроватью, на бледном, бескровном лице девушки выделялись горящие как угли черные глаза. Вместо носа и рта – две дыры с рваными, плохо зажившими краями. Девушка не говорила, она шептала, и переводчику пришлось наклониться, чтобы разобрать ее слова.

– Когда-то мой дед убил мальчика в их семье, это был кровный долг, и меня отдали, чтобы вражда утихла. В той семье меня ненавидели, они били меня, и я убежала. Но меня поймали и посадили в тюрьму. Там в камере было восемь женщин, все они курили опиум, и я едва не пристрастилась к этому. Хорошо, отец забрал меня через два месяца. Но оставить дома он меня не мог и снова вернул мужу. Все началось сначала.

Девушка всхлипнула.

– Успокойтесь, – Джин ласково взяла Айшу за руку. – Теперь все уже позади.

– За непослушание меня наказали. Отрезали мне все, вы видите.

Она прикоснулась пальцами к лицу, глаза заблестели от слез.

– Как они делали это, я не помню, я потеряла сознание. Когда я открыла глаза, то ничего не могла видеть, все лицо было залито кровью, а там, где был нос, ощутила холод. Они бросили меня умирать в горах. Но я собрала все силы и дошла до отцовского дома. Но отец опять не оставил меня – ведь тогда пострадали бы все остальные члены семьи, а у меня еще семеро младших братьев и сестер. За кровный долг их бы всех убили. Он добился от мужа согласия, что меня подлечат, и я вернусь. И мне снова пришлось переступить порог их дома.

Девушка опять всхлипнула.

– В ту же ночь он снова начал издеваться надо мной. И тогда я не выдержала. Я поняла, что отец меня не защитит и рассчитывать мне не на что. Решила покончить с собой. Лучше умереть, чем так жить. Рано утром ушла из дома, пробралась на двор к соседу, украла у него солярку, хотела забраться подальше в горы, но боялась, что меня хватятся, увидят, и я не успею ничего сделать. Потому подожгла себя прямо на дороге. А тут ваш патруль, слава Аллаху. Огонь потушили, привезли в госпиталь. Спасибо господину...

Она взглянула на Харриса, изуродованные губы тронула едва заметная улыбка.

– Он заботится обо мне, и мне намного лучше. Но как я буду жить, когда снова смогу ходить? Ведь муж потребует, чтобы я вернулась. Я с ужасом думаю об этом.

– Но ты можешь получить развод, мы поможем найти адвоката, который добьется этого, – уверенно ответила Джин. – По конституции женщины и мужчины теперь равны в правах. Жен-

щины могут работать, получать образование, жить свободно и независимо. Конечно, нужна поддержка. Но, насколько я знаю, практически все сколько-нибудь значимые международные организации, помогающие женщинам, имеют свои представительства в Кабуле. Они для того и находятся здесь, чтобы помочь женщинам освободиться от варварских традиций и начать новый путь. Так что не надо отчаиваться. Есть много людей, которые тебе помогут, только нужно верить в себя. Сейчас главное – здоровье.

– Но как я смогу начать новую жизнь с таким лицом, кому я буду нужна, меня же будут бояться, шарахаться от меня, – в голосе Айши слышалось отчаяние.

– Это все поправимо, – Джин ласково сжала ее пальцы и улыбнулась. – В США есть много клиник, которые занимаются пластической хирургией, там работают высококлассные специалисты. Они исправят губы и сделают протез для носа. И ты снова станешь такой, как раньше. Причем все сделают так, что тот, кто не знает, что с тобой случилось, никогда не догадается. Адвокат добьется развода, и с рабством будет покончено. Ты найдешь новых друзей, встретишь любовь. Пойдешь учиться.

– Да, я хочу учиться, я так хочу учиться, – девушка поспешно приподнялась, опираясь на локоть. – Я хочу много знать. Я хочу стать как вы, как та молодая женщина-офицер, которая подобрала меня на дороге, она заходит навестить меня и рассказывает про Лос-Анджелес, город, где она родилась. Так интересно.

– лейтенант Кейт Стролл, – пояснил Джин полковник Харрис. – Она была старшей в группе. Это благодаря ее быстрым и умелым действиям Айша осталась жива.

– Я думаю, все твои мечты сбудутся, – Джин наклонилась и поправила темные волосы девушки, выбившиеся на лоб из-под платка. – Я, Кейт Стролл, полковник Харрис – мы все тебе поможем. Сейчас главное – ноги, надо лечиться. А когда ты сможешь ходить, мы подготовим тебе место в клинике, и ты, возможно, поедешь в Лос-Анджелес, или в другой большой американский город, где тебе вернут прежнюю красоту. Я подыщу людей, которые с радостью оплатят тебе эту поездку и операцию. Уверена, их найдется немало, и со временем они тоже станут твоими друзьями.

– Я бы хотела выучиться и снова вернуться сюда, в Кабул, – неожиданно серьезно произнесла девушка, опустив голову на подушку. – Чтобы помогать другим женщинам, объяснять им, как надо жить, к чему стремиться. Все, что вы говорите сейчас, – для меня это какая-то сказка. Я выросла в нищете, одну лепешку мы делили на троих и всегда жили впроголодь. Я даже не имела права выйти из дома одна, только в окно смотрела на горы и думала – а что там, за ними, какая там жизнь? Везде ли она так грустна, как у меня? Теперь я знаю, что за горами есть вы, есть мисс Кейт, есть господин, – она взглянула на Харриса. – Есть люди, которые относятся ко мне как к равной, которых не надо бояться, им можно доверять. Это действительно чудо. Мне даже кажется, что, как в древней сказке, когда я подожгла себя, огонь прогнал с меня проклятие, и пусть он забрал мою красоту, но он открыл мне нечто большее, что даже важнее, чем красота.

– Красота тоже вернется, все поправимо, – негромко добавила Джин. – Но ты права. Твоя борьба за достоинство, за лучшую жизнь принесла тебе страдание, но она же вывела тебя за грань заколдованного круга, в котором все подчинено старым, давно изжившим себя устоям, и ты не осталась одна. Сразу пришли те, кто протянул тебе руку помощи. Так утверждал один из моих любимых писателей. Стоит только сделать первый шаг, стоит только протянуть руку, чтобы оттолкнуть зло, и сразу найдется второй, третий, кто встанет рядом с тобой. На стороне добра ты никогда не останешься один. Совершенно точно.

– А что это за писатель, мисс? – спросила Айша робко.

– Это Джон Рональд Руэл Толкиен, он англичанин, – ответила Джин. – Он написал много интересных книг. Прочитать их ты пока не сможешь, но со временем, я уверена, прочтешь обязательно. А пока мы можем с тобой посмотреть фильм. Он снят по самой знаменитой его

книге «Властелин колец», это самое известное повествование о борьбе добра и зла и о том, как нелегко дается победа светлым силам. Но это не значит, что к ней не надо стремиться. Мы вполне сможем посмотреть этот фильм с ноутбука сегодня вечером. Позовем Кейт и вместе будем смотреть, а лейтенант Дустум, возможно, поможет нам с переводом.

Она обратилась к молодому афганцу:

– Вы свободны сегодня, лейтенант? У вас нет никаких срочных поручений?

– Я буду рад помочь вам, мэм, – ответил тот с готовностью.

– Вот и отлично, вот и договорились, – обрадовалась Джин.

– А меня вы не приглашаете? – осведомился полковник Харрис. – Я тоже люблю смотреть про приключения Фродо и его друзей. Во всяком случае, это помогает отвлечься, а иногда даже обрести новые силы.

– Мы будем только рады, полковник, – ответила Джин с улыбкой. – Так что до просмотра, дорогая Айша.

Мертвенно-бледное лицо девушки слегка порозовело, а глаза блестели уже не слезами, а радостью.

– Встречаемся здесь через три часа. Вы пригласите Кейт, полковник? – спросила Джин у Харриса. – Я буду рада с ней познакомиться.

– Конечно, – подтвердил тот. – Я видел ее, она вернулась из рейда и сейчас отдыхает. Так что, уверен, она с удовольствием составит нам компанию.

– Отлично, договорились.

– С разными случаями приходится сталкиваться, мэм, чуть не по дюжине на дню.

Коренастая чернокожая Кейт Стролл с множеством косичек, завязанных узлом на затылке, пожала плечами.

– Я на их женщин поражаюсь, честно. Обвешаются тряпками, подойдешь – прячутся, шарахаются, как от заразы. Запуганные все, грязные, неопрятные. Без разрешения мужа даже пальцем не смеют пошевелить. Наркоманок много, ответ один – муж приучил. Сам опиум курит и меня заставил. Мы, конечно, стараемся держаться в рамках, мэм, проводим беседы, но, честно скажу, мне их не понять. Моя прапрабабка была рабыней в Миссисипи, тринадцатая в семье, хозяин продал ее соседу за четыреста семьдесят долларов, у нас в семье до сих пор бумага, подписанная им, хранится, на память, так сказать. Да что там, я слышала, что и у супруги нашего президента, госпожи Мишель Обама, тоже предки были рабы.

– Да, они работали на хлопковой плантации, – подтвердила Джин. – Это верно.

– Вот-вот. Я как узнала, сразу решила, что буду за нее голосовать. И на прошлых выборах, и вот теперь, на нынешних, в ноябре. Такие же мы безграмотные были, забытые, но смогли же пробиться. Боролись за свои права. Я вот офицерское звание получила, в выпуске третья по списку, верите, мэм? И у меня под началом люди, я несу за них ответственность, принимаю решения. Пока второй лейтенант, но через полгода уже и на первого подавать можно, если никаких существенных провалов не будет. Я во всем равна мужчинам, отдаю им приказы и ничего особенного в этом для себя не вижу. А здешние женщины, я же чувствую, из-за паранджи своей на меня смотрят, между собой перешептываются, мол, гляди, она во все мужское одета и мужчинами командует, а главное, они слушаются ее, вот невидаль.

Кейт улыбнулась.

– Нас обязали проводить разъяснительную работу, но я и так сама частенько разговариваю, через переводчика, конечно, очень мне интересно их понять, как можно жить в такой дикости в наше время. Есть такие курсы, я их прошла, сама попросилась, чтобы отправили, там обучают, как правильно общаться с местным населением, особенно с женщинами, готовят, так сказать, как службу спасения. В основном женщин-военнослужащих привлекают для этого, потому что с мужчинами афганки вообще отказываются разговаривать. Да и нас боятся, если

честно. Не доверяют. Мы для них как марсианки какие-то, особенно я, например, – засмеялась Кейт. – Они же и слыхом не слыхивали, что на свете существуют люди с другим цветом кожи, негры, например. А тут чернокожая, с такой прической, – она тряхнула косичками, – да еще при полной экипировке. Вот невидаль!

Она вдруг посерьезнела.

– А я про вас знаю, мэ. Мне о вас капитан Боб Шлихт говорил, он из морской пехоты, над саперами у нас главный. Рассказывал, что вы ему ногу спасли в Эль-Куте, по кускам собрали, когда он разминирование неудачно провел и уже на тот свет собирался. Вообще, как я слышала, если к вам попасть – ничего не страшно, вы кого хочешь вылечите, как бы его ни потрепало, никто у вас не умрет.

– Ну, это уж преувеличение, – Джин покачала головой, – врачи не всесильны, не боги, но я стараюсь, конечно.

«Вот и дожила», – подумала она.

– Так про бабушку мою говорили, – добавила вслух. – Во время Второй мировой войны, кто к ней попал с ранением, тот всегда живым останется. А теперь обо мне пошла такая слава. Но с большим авансом. Мне и до бабушки далеко, не то что до Господа Бога.

– Вы ведь и этой женщине, Айше, тоже поможете? – с надеждой спросила Кейт. – Многое приходится видеть на патрулировании, но такое в первый раз. До чего же можно довести человека, до какого отчаяния. Мало того, что морально издевались, так еще и лицо изуродовали ей. И заступиться некому. Отец не отец, отдал дочь мужу, уже никаких прав не имеешь. Да и что он может-то?

– Да, мы обязательно поможем ей, – уверенно ответила Джин. – С ожогами на ногах доктор Харрис и до моего приезда справился, состояние ее уже значительно лучше. А что касается лица – в Штатах в специальной клинике ей сделают пластическую операцию, поставят протез, она снова будет красавицей, а оплатят все из благотворительного фонда.

Кейт пристукнула пальцами по колену.

– Я так рада, мэ, правда. Вот спрашиваешь себя иногда, и для чего мы здесь, ну, понятно, что для борьбы с талибами, а им-то, местным, надо ли, чтобы мы им свою цивилизацию несли, к нашим правилам жизни приучали, может, им вот так вот, по-животному, жить-то и лучше. Не часто такие мысли приходят, – призналась она. – Но иногда насмотришься всякого, устанешь, волей-неволей задумаешься. Но после случая с Айшой у меня никаких сомнений не осталось. Мы здесь нужны, и показывать им, как жить по-человечески, нужно. Законы человеческие им прививать, а все их зверские привычки пресекать, пусть будут недовольны, зато их дети нам спасибо скажут. Как вы думаете, это правильно, мэ?

– Правильно, – подтвердила Джин. – Долг цивилизованных народов – распространять цивилизацию на отсталые закоулки мира. При этом, конечно, не ущемляя тех традиций в местных обществах, которые идут народу на благо. Но такие вещи, как людоедство, истязание женщин и детей, надо искоренять безжалостно. Позволять такое мы просто не в праве, даже если ради этого приходится нарушить суверенитет страны.

Они вышли на улицу.

– А вообще трудно приходится? – спросила Джин у Кейт. – Ведь женщине все-таки тяжелее, и физически, и морально.

– Трудно не среди своих, – ответила Кейт, – среди своих что? Все привычно, и закон на моей стороне, и устав, и руководство. С местными – другое дело. И это не только меня касается, командиров-мужчин тоже. У них еще почаще моего нервы отказывают. И помощь психолога требуется. Здесь даже не то что в Ираке, там хоть какая-то цивилизация была, дома многоэтажные, инфраструктура. А тут – голая пустыня, горы, среди них деревни разбросаны. Там все старейшины решают. А им верить нельзя. Никому из местных верить нельзя – вот это сложнее всего. И непонятнее. Вот нас часто капитану Шлихту в усиление дают, а у него главная

задача – разминировать СВУ, самодельные мины, так сказать. Их везде понатыкано видимо-невидимо. Сделать такую мину – раз плюнуть даже самому неграмотному. Любую банку набей селитрой и алюминиевой пудрой, добавь пластида, а можно и чего попроще, провода вообще от автомобиля можно взять. Состряпал все это, подсоединил – спрячь под кустик, вот тебе и сюрприз готов. А заметить такую штуку очень непросто. Подрываются на них и местные, и наши, конечно, тоже. Но я вот не понимаю всех этих старейшин – знают, что подозрительные люди вокруг деревни вертелись, скорее всего, мины оставили, а будут говорить, что ничего не видели и не знают, все спокойно. Мы подорвемся – им радость, но ведь и их же односельчане подрываются, дети очень часто, на куски разрывает, сколько случаев таких было, но все равно молчат, ни гу-гу. Лучше подрываться будут и людей гробить. А им что, у них женщины каждый год рожают, пока могут, и плевать, что в тридцать лет уже старухи, а в сорок с небольшим к Аллаху отправляются. Девочек уже с десяти лет начинают сексуально использовать. Так что особо им волноваться нечего. Как у всех дикарей – родился, умер, невелико событие. Старейшинам верить нельзя, – повторила Кейт. – Им даже афганские переводчики не верят, вот спросите того же Дустума. Ему с нашими парнями проще, чем со своими соотечественниками.

Она грустно улыбнулась.

– Так что, когда с базы выезжаешь, никогда не знаешь наверняка, вернешься ли назад сам или тебя доставит санитарный вертолет, вот сюда, в медицинский блок к доктору Харрису. И тебе отрежут ноги, а не исключено, и руки, такое тоже бывало, что всех четырех конечностей лишались, а дальше тебе путь в Германию, на реабилитацию, и в другую, пугающую, непонятную жизнь инвалида.

Она вздохнула.

– Но об этом стараешься не думать, конечно. Надеешься на лучшее. Я даже на богослужение не хожу, – призналась она и тут же пошутила: – Только моей маме не говорите, если ее случайно встретите, мэм. Она мне такого не спустит. А вообще, когда трудно, не могу заснуть, всякие мысли дурные в голову лезут, я звоню своему парню, он сейчас на базе в Колорадо-Спрингз служит, тоже здесь в командировке был в прошлом году; или родителям и сестрам. У меня четыре сестры, мэм. И ни одного братика. У нас только отец, единственный мужчина в семье. Так получилось. А вообще мне недавно благодарность объявили, – добавила она с гордостью. – Полковник Майкл Фостер приезжал и зачитывал приказ. Перед строем, было очень приятно...

– Майкл Фостер? – Джин вздрогнула и остановилась. – Он здесь, в Афганистане? Я не знала.

Кейт удивилась.

– Вы с ним знакомы? О, на меня он произвел большое впечатление. Он такой, – она закинула голову и прицелкнула языком, – в общем, когда на него смотришь, гордишься, что ты родился в Америке и имеешь отношение к этой армии, что ты – часть ее. И армии, и этой страны. От него сила исходит, уверенность, победа, мэм. Я не знаю, как это сказать...

– Это сказал за тебя режиссер Коппола, – мягко произнесла Джин. – Устами подполковника Билла Килгора в фильме «Апокалипсис сегодня», в том фильме, который помог Америке снова обрести себя и поверить в свои силы после неудачи во Вьетнаме. Помнишь, «люблю запах напалма по утрам. Однажды мы несколько суток кряду бомбили высоту, и когда я поднялся туда, – говорит Килгор, – там был такой запах, запах победы». Это любимый фильм Майкла, он смотрел его с юных лет, знал наизусть каждую фразу, и теперь сам стал Килгором, – она улыбнулась. – Поднялся на высоту, где витает тот самый запах, запах победы.

– Вы так хорошо знаете полковника Фостера? – в голосе Кейт Джин услышала недоумение.

– Еще бы, это же мой собственный муж, – Джин рассмеялась. – Правда, уже бывший, фактически мы развелись. Но, кстати, формальности еще выполнены не до конца, и в официальных списках я до сих пор числюсь как Джин Фостер-Роджерс.

– О, жаль, что вы расстались, – Кейт покачала головой, – мне кажется, вы очень подходите друг другу. Вы оба такие, ну, на кого... на кого хочется походить во всем.

– Это хорошо выглядит со стороны, – ответила Джин. – Когда живешь рядом, излишняя яркость только мешает. Ослепляет, если можно так выразиться. К тому же у меня слишком много обязанностей. Майклу захотелось жизни попроще, поспокойнее.

– Он мне сказал, что его жена служит в медицинском корпусе, она врач, но я никак не могла подумать, что это вы, – сказала Кейт.

– Он это сказал недавно? – Джин искренне удивилась.

– Да, мы несколько минут поговорили после награждения, он расспрашивал меня о семье, о трудностях здесь. Я сказала, что у меня есть парень и что его направили в Колорадо-Спрингз. Полковник ответил, что эта база ему знакома и хорошо, когда будущих супругов объединяют не только личные, семейные, но и служебные интересы. Вот и добавил про жену, я еще подумала тогда, кто она, кому так повезло, такой красавец и такой герой ее муж. Не могла представить, что всего через пару недель познакомлюсь с вами.

– Я бы вам советовала, Кейт, – заметила Джин серьезно, – не очень-то доверять рассуждениям полковника Фостера, несмотря на все его заслуги. У него все это только теоретически, или даже практически, но для друзей, для знакомых, а не тогда, когда дело касается его самого. Для себя он как раз хотел бы противоположного. Хотя не знаю, – она пожала плечами. – Может быть, я недостаточно понимала его, ошибалась. Это тоже не исключается. Во всяком случае, в том, что мы расстались, виноват не Майкл и не его представления о семейной жизни. Виновата я, я изменила ему и не сочла возможным скрывать это. А он не считал возможным эту измену простить. Собственно, это и послужило причиной развода. Я и сама не ожидала, что мы когда-нибудь расстанемся.

– Вы изменили? – Кейт не поверила своим ушам. – Ему?

– Да, я, – подтвердила Джин. – И странно, что он до сих пор считает меня своей женой. Меня это даже несколько смущает.

– Полковник Фостер сказал мне, что он еще остается в Афганистане, – сообщила осторожно Кейт. – Что я могу обращаться к нему, если возникнут трудности.

– Вы намекаете, что я могу с ним встретиться? – догадалась Джин. – Вы правы, Кейт, я обязательно позвоню ему. Вместо вас. Он будет удивлен, я уверена. Так мы увидимся вечером? На просмотре кинофильма?

– Да, конечно, – Кейт тряхнула косичками.

– Жду вас, – Джин пожала ей руку. – Рада знакомству.

– Я тоже, мэм. Еще как!

– Пока есть время, я покажу вам, мэм, наше хозяйство.

Когда Кейт ушла, полковник Харрис снова пригласил Джин в медицинский блок.

– Здесь у нас травматологическое отделение на шесть коек, мэм. В общем, обычное американское отделение первого уровня со всей необходимой аппаратурой. Раненых сюда доставляет служба медицинской эвакуации, работаем круглосуточно. Предстоят нелегкие месяцы, грянет весна, – Харрис грустно улыбнулся. – Снег в горах тает, перевалы освобождаются, и все нехорошие парни, которые отсиживались на горных базах, будут спускаться вниз, чтобы доставлять нам неприятности. Подкладывать эти свои СБУ.

В помещении, отгороженном невысокой стенкой из оргстекла, сидела за ноутбуком женщина лет тридцати.

– Вот, знакомьтесь, моя помощница, – сказал полковник. – Это ее первая командировка. Работает хорошо, уже втянулась.

– Медсестра Джулия Милл, – женщина встала, увидев Джин. – Сегодня моя смена.

– Полковник Роджерс, здравствуйте, – Джин кивнула.

– Это нейрохирург, – объяснил Харрис медсестре. – По поводу того парня, которого мы оперировали по учебнику. Кажется, его зовут Джек Форист.

– Оперировали по учебнику? – удивилась Джин. – Как это? Практически вслепую?

Харрис пожал плечами.

– Вот так. Его доставили в очень тяжелом состоянии. Без сознания. Нейрохирурга у нас нет. Есть только в Баграме, но везти туда было нереально, парень попросту бы не долетел. А моя специализация – желудочно-кишечный тракт, ранения брюшной полости. Пришлось открыть учебник и сверлить трепанационное отверстие, чтобы выпустить кровь. Давление зашкаливало, кровь сдавливала мозг, промедление могло стоить ему жизни. Джулия ассистировала мне. Мы пережили немало волнительных минут. Но, слава богу, все прошло удачно. Однако дальнейшее его состояние вызывает у меня тревогу, – признался Харрис. – Эвакуировать парня в Баграм все еще нельзя. А тут мне сказали, что вы приезжаете к нам. Я бы хотел получить консультацию, мэм, как нам дальше вести больного, ведь его шансы на выживание сейчас, пожалуй, не больше пятнадцати – двадцати процентов. Надо хотя бы подвести его к состоянию, когда он сможет перенести транспортировку в Германию, в стационарный госпиталь, где для подобных больных предусмотрено соответствующее лечение и уход.

– Я обязательно посмотрю его, – с готовностью согласилась Джин.

Она заметила на рабочем столе рядом с ноутбуком фотографию двух смеющихся мальчишек.

– Ваши дети? – спросила она Джулию. – Скучаете?

Та смущенно кивнула.

– Да, это мои сыновья. Им, конечно, хочется, чтобы я никогда никуда не уезжала, им очень надо, чтобы папа и мама были всегда вместе с ними, но сейчас моя очередь, мэм, сделать так, чтобы мальчишки постарше, и дочери тоже, вернулись к своим родителям. Или чьи-то родители, чей-то отец или мать, вернулись к таким вот малышам, как у меня. Это называется долгом, мэм, и я его должна исполнить. Скоро у меня отпуск, – Джулия улыбнулась. – Я поеду домой, в Пенсильванию, мы увидимся.

– Она мне сказала, что в ночь перед отлетом не сможет сомкнуть глаз. Хорошо бы в эту ночь никому не пришлось делать интубацию, – пошутил Харрис, – а то мысли Джулии наверняка уже будут далеко.

– Я всегда умею сосредоточиться, сэр, – возразила та.

– Я знаю, Джулия, вы профессионал. Что ж, не теряя времени, пройдем к больному, – предложил Харрис.

– Да, конечно. Кроме откачки крови, вы не проводили больше никаких действий? – спросила Джин у полковника. – Не углублялись в полость?

– Нет, ни в коем случае, мэм. Я бы не рискнул, но в этом не было необходимости.

Пройдя по длинному коридору, освещенному голубоватым светом ламп, они вошли в палату.

– Прошу сюда, мэм, – Харрис жестом пригласил Джин.

Медсестра подала ей перчатки и маску. Осторожно сняла с больного повязки, пододвинула приготовленный заранее инструмент.

– Что ж, кровотечение остановилось, я вижу, – Джин наклонилась над пострадавшим. – Отека нет, явных признаков воспаления тоже, это свидетельствует о том, что вмешательство было проведено корректно. Поздравляю вас, доктор Харрис.

– Благодарю, мэм. Из ваших уст такая похвала дорогого стоит, – полковник смутился.

– Пациент уже пришел в себя, сейчас он находится под воздействием транквилизаторов, – доложила Джулия.

– Он жаловался на головные боли? Тошнота, рвота были?

– Головокружение – да, я отметила это, – ответила медсестра. – Сильных болей – нет, не было.

Джин выпрямилась, отойдя от больного, бросила использованный инструмент в пакет, опустила маску.

– Что ж, последствия любого подобного вмешательства сказываются далеко не сразу. И не всегда они связаны с самим вмешательством, влияние оказывают и препараты, которые вводятся больному. Что сейчас ему прописано? – спросила она.

– Вот список препаратов, мэм, подробный, с дозировкой, – Джулия протянула ей распечатку.

Джин быстро пробежала ее глазами.

– Стероидные препараты надо продолжать, – заключила она, – но, судя по месту и характеру вмешательства, я бы рекомендовала введение противосудорожных, для профилактики эпилептического приступа. Это не исключается, я полагаю, и может послужить дополнительным нежелательным осложнением. Вообще при проведении более интенсивной терапии мой прогноз скорее положительный. Но потребуется время, чтобы функции восстановились.

– Я совершенно согласен...

– Сэр, только что получено сообщение, – их прервал капитан Робинс. – Наша бронемашина попала в засаду в районе Ганзи. Один человек убит, состояние выживших устанавливается. Их доставляет служба медицинской эвакуации. Они доложили, что проводят мероприятия по протоколу ALS, все необходимое по обеспечению жизнедеятельности до доставки в госпиталь.

– Сколько раненых? – полковник Харрис нахмурился.

– Четверо, сэр. Судя по сообщению, одна срочная операция, три приоритетных.

– Метеорологи передают, начинается песчаная буря, – сообщила Джулия, взглянув на экран лэптопа. – Это может помешать посадке. Полет в таких условиях опасен.

– Пилот сказал, они в курсе, но все равно летят, мэм, – быстро ответил Робинс. – И будут садиться. Раненые тяжелые, медлить нельзя.

– Сейчас благодаря лучшей броне и новейшим средствам технического и медицинского обеспечения у этих парней появился шанс выжить, – сказал полковник Харрис. – Во Вьетнаме все были бы трупами, попали они на растяжки. Здесь мы теряем в два с половиной раза меньше людей, чем там.

Харрис взглянул на часы.

– Они скоро будут. Джулия, мобилизуйте работу вспомогательного персонала, надо все подготовить к встрече и срочному оказанию помощи, – распорядился он.

– Я могу быть полезна, полковник? – спросила Джин. – Я готова участвовать.

– Я был бы крайне признателен, мэм.

– Джулия, приготовьте столы. Всем занять свои места. Распорядитесь о препаратах для переливания крови. Я уверен, без ампутаций не обойдется, а значит, крови понадобится много, – продолжал Харрис, – и предупредите персонал, могут срочно потребоваться доноры. Чтобы все были готовы.

– Слушаюсь, сэр.

– Чувствуете, какая тишина? – спросил Харрис.

Они вышли на улицу, направляясь в соседний блок.

– Точно вымерло все. Так всегда бывает перед ураганом. Буря уже здесь. Но как будто затаилась в воздухе, пока не осязаема, невидима, но вот-вот материализуется. И тогда начнется.

– Такие бури, я читала, в древние времена губили целые армии, – заметила Джин. – Армии, с которыми не мог совладать никакой противник. Например, войско фараона Мамоса, если мне не изменяет память.

– У фараона просто не было специальной оптики, – пошутил Харрис. – Он слишком рано пришел к власти. До главных изобретений человечества.

«Блэкхок» садился в темно-багровых сумерках. Тучи песка, высоко поднятого ветром, закрыли уходящее за холмы солнце, и оно едва проглядывало, превратившись в тусклый оранжевый шарик. Ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Косые грязно-желтые полосы проносились одна за другой, песчинки впивались в кожу рук, ног, плеч, настолько плотно наполнив воздух, что без марлевой маски было невозможно дышать. Борясь с ветром и песком, санитары сгрузили раненых на каталки и одного за другим быстро доставили в помещение, прикрывая простынями от ветра.

– Лейтенант Лэрри Мироуз, – Джулия протянула Джин учетную карточку. – Давление сто сорок три на сто двадцать один.

– Немедленно на стол, – приказала она. – Надо проверить сердце. Готовьте переливание крови. Немедленно один кубик эпинефрина и подготовьте атропин. Ввести центральные катетеры, потом перевезем его в операционную.

– Мэм, второй раненый теряет сознание, – доложил Робинс, – похоже, кома третьей степени...

– Приготовьтесь к сердечно-легочной реанимации, введите препарат для восстановления работы сердца...

– Слушаюсь, мэм.

– Они катастрофически быстро теряют кровь, – сообщил полковник Харрис. – Мы не успеваем переливать. Переливание не может идти на такой скорости. К тому же запасы крови и плазмы у нас ограничены.

– Немедленно распорядитесь, чтобы все, у кого показатели крови подходят для раненых, срочно явились на заборный пункт, – решительно ответила Джин. – Это приказ. Сколько крови уже перелили второму раненому? Как его имя?

– Специалист Дон Морески, – сообщила Джулия, взглянув на экран компьютера.

– Перелили уже четырнадцать единиц, мэм, – продолжал Харрис. – И надо учесть, что этот парень потеряет еще, ведь ему предстоит ампутировать две конечности.

– Я полагаю, три, – ответила Джин, рассматривая снимок. – Рука сломана в нескольких местах, спасти ее в таком состоянии вряд ли удастся. Мне кажется, у него внутреннее кровотечение. Просто мы его не видим. Надо искать.

– Мэм, что-то происходит в брюшной полости, – доложила Джулия, – похоже, она растягивается.

– Уверена, это то, что мы ищем, – Джин наклонилась над раненым, осторожно ощупывая живот. – Похоже на разрыв селезенки. Этот участок надо удалить. Это остановит кровотечение. Ничего странного. При таких повреждениях и при обилии введенных препаратов внутренние органы могут просто отказывать, не справляясь с нагрузкой. Джулия, подайте тампон и скальпель. Полковник, готовьтесь ампутировать ему обе ноги. Надо ожидать, что его состояние еще ухудшится, прежде чем стабилизируется. Это неизбежно. Придется пожертвовать ногами ради спасения жизни. Но главное сейчас – восстановить давление. После ампутации будем делать еще одну трансфузию.

– Мэм, ампутация ниже колена?

– Да, судя по повреждению, этого достаточно, – Джин еще раз быстро взглянула на рентгеновские снимки. – Как только давление восстановится, перевозите его в реанимацию. Следить за давлением, поддерживать дыхание, все основные функции...

– Мэм, водитель бронемашин, который пострадал меньше всех, жалуется на головокружение и головную боль, он сильно ударился, – доложил капитан Робинс. – Я предполагаю сотрясение мозга, но возможны осложнения.

– Сделайте ему компьютерную томографию, – распорядилась Джин. – Надо посмотреть, нет ли внутренних гематом. И пусть с ним поработает психолог. Узнайте, были ли у него прежде такого рода повреждения. Эффект от таких незначительных травм вполне может аккумулироваться, и при самом легком потрясении привести к очень серьезным последствиям, к потере памяти, например, или эпилепсии.

– Мэм, конечности удалены, – сообщил Харрис. – Переливание начали. Давление стабилизируется.

– Сколько сейчас? – Джин повернулась к нему.

– Сто шестнадцать на семьдесят...

– Ну, это уже неплохой показатель, – она слабо улыбнулась. – Продолжайте.

– Состояние раненого удовлетворительное, – доложила Джулия и пошутила, – я шепнула ему, что скоро уезжаю в отпуск, так что не стоит ему умирать, чтобы не портить мне настроение. Похоже, он послушался меня, мэм.

Джин улыбнулась.

– Будем надеяться, что так и будет. Что показал томограф у водителя? – спросила она Робинса. – Есть что-то серьезное?

– Собственно, нет, мэм, – доложил тот. – Взгляните сами, легкая черепно-мозговая травма. Кроме повреждения головы, небольшие разрывы с правой стороны, ничего серьезного. Но он явно подавлен.

– Черепно-мозговые травмы, даже легкие, не так уж и безобидны, – заметила Джин серьезно. – Они часто остаются незамеченными, но позднее проявляются в психологических расстройствах. И это нередкое явление. Практически каждый третий наш военнослужащий, возвращающийся из Афганистана и Ирака, имеет такие повреждения.

– Как вы себя чувствуете?

Джин прошла в соседнее помещение и подошла к больному.

– Я полковник Роджерс, добрый день.

– Здравствуйте, мэм.

Рыжеволосый веснушчатый парень едва заметно улыбнулся, но взгляд его оставался неподвижным, он не смотрел на Джин. Она молчала, чтобы не сбивать его с мыслей.

– У меня все это стоит перед глазами, мэм, – произнес он через минуту. – Нашего пулеметчика, он сидел рядом со мной, разорвало взрывом. Я повернулся, посмотрел и за долю секунды понял, что этого человека уже ничто не сможет спасти. Он мертв. И не просто убит, его не поразила пуля или осколок, в грудь, в плечо, в голову, как часто показывают в фильмах, его просто разорвало на части, и ошметки его тела были разбросаны по кабине. Они были повсюду, мэм, его лицо было просто неузнаваемо. Смотреть на это было страшно, но самое ужасное, мэм, это запах.

Молодой человек поморщился.

– Его кровь забрызгала мне рукав, она была повсюду, даже на стекле кабины, и мы еще несколько часов не могли сменить форму, так что мы пропахли насквозь. О таком не расскажешь родным. Они же не смогут спать спокойно, там, у себя, в Арканзасе, если узнают от меня, что здесь такое происходит. О таких вещах им лучше не знать.

Раненый наконец перевел взгляд на Джин.

– Вы понимаете?

Она кивнула.

– Да, это верно, – полковник Харрис подошел и встал рядом с Джин. – Я тоже часто думаю о своей жене, какие только мысли не лезут ей в голову там, дома, в Нью-Йорке, но я успокаиваю ее всякий раз, когда звоню домой.

– Хотелось бы поскорее вернуться в строй, мэм, – раненый попытался приподняться на локте, но Джин удержала его.

– Нет, нет, лежите, – настойчиво попросила она. – Еще рано вставать.

– Сколько я здесь пробуду? Очень трудно лежать так, когда даже не знаешь, что происходит с товарищами.

– Я думаю, через неделю вы сможете к ним вернуться, – ответила Джин, – а пока необходимо пройти восстановительные процедуры.

– Я буду стараться, мэм, – раненый опять едва заметно улыбнулся и отвел взгляд.

– Я уверена.

Над дверями и в углах палаты замигали красные лампочки, послышалась сирена. Полковник Харрис огорченно развел руками.

– Ну, вот опять. Каждое полнолуние одно и то же. Злобные орки сползают с гор и начинают обстреливать нас ракетами. Все в укрытие! – скомандовал он. – Джулия, немедленно всех в укрытие. Обеспечьте транспортировку раненых.

Он взял Джин под руку.

– Прошу вас, мэм, надо спуститься. Бывает, что они и не промахиваются.

– Жаль, из-за них сегодня не удастся отдохнуть на крыше, – вздохнул Робинс, спускаясь по лестнице первым.

– Отдохнуть на крыше? – удивилась Джин. – Это здесь такое развлечение?

– Они придумали лазать на крышу и с приборами ночного видения осматривать окрестности, – объяснил Харрис. – Когда небо ясное, красиво – просто миллиард звезд на небе. Так они рассказывают, по крайней мере. Сам я не лазал, мэм, как вы понимаете, – он усмехнулся, – уже как-то не по возрасту.

– Если здесь не пытаться отвлечься, мэм, что-то придумать для себя, можно сойти с ума, – откликнулся Робинс. – Прошу вас.

Он открыл перед Джин двери убежища.

– Каждый день одно и то же. Подъем, дежурство, работа, ужин, возвращаешься к себе, читаешь книгу, идешь в спортзал, ложишься спать, а с утра опять подъем. Снова встаешь и идешь работать. А там, на крыше, посмотришь на небо и снова чувствуешь себя мальчишкой, – он по-детски наивно улыбнулся. – Все растворяется в реке времени, перед тобой вечность. Я обязательно, когда выдается свободная минута, так делаю. Только вот эти повстанцы мешают периодически.

Он с досадой махнул рукой.

– И часто здесь такие обстрелы? – спросила Джин.

– Частенько, – ответил Харрис. – Особенно в полнолуние, когда небо чистое и свет луны помогает им. Когда закончится, поднимемся наверх, нужно будет посмотреть, какое оборудование покалечили и кто из людей пострадал, не успев спуститься. Хотя это может выясниться и раньше. Эти парни лупят, не жалея снарядов, целый град обрушивается.

– Сэр, у нас раненый! – в комнату вбежала медсестра Джулия. – Только что доставили сверху. Не успел спуститься.

– Серьезное ранение? – полковник Харрис встал.

– Осколочное в голову и позвоночник, – ответила Джулия. – Афганский служащий из блока питания. Замешкался всего на несколько минут, его настигло на выходе из здания. Он уже в операционной.

– Идемте, мэм, – Харрис решительно направился вслед за Джулией.

Джин и капитан Робинс последовали за ними.

– Мы сразу же начали реанимационные действия, – объяснила Джулия, – он не дышал. Но этого оказалось недостаточно.

– Он захлебывается кровью, сэр, – доложил медбрат. – Мы отсасываем кровь из дыхательных путей. Но она поступает быстрее, чем мы успеваем это делать.

– Надо делать трахеотомию, – Джин подошла к столу, взглянула на раненого. – Подайте скальпель, Джулия.

– Минуту, мэм.

Джулия взглянула на приборы.

– Мэм, у него остановилось сердце.

– Срочно искусственное дыхание и препараты для восстановления работы сердечной мышцы, – приказала Джин. – Если не поможет, готовьтесь к дефибриляции.

– Мэм, пульс не фиксируется, – доложил Робинс, – реакции на свет нет.

– Подготовьте электрический разряд, – распорядилась Джин. – Быстро. У нас тридцать секунд, не больше. Разряд! Джулия, салфетки сюда, быстрее. Робинс, жмите как можно сильнее. Еще раз.

– Мэм, фибрилляция желудочков устойчива...

– Усильте разряд, введите адреналин и атропин, шевелитесь. Робинс, как пульс?

– Пока нет, мэм.

– Разряд максимальный, сильнее, сильнее. Ну что?

– Слабый пульс прощупывается, мэм. Кажется, он возвращается к жизни.

– Ну, так-то лучше, – Джин вытерла салфеткой капли пота, выступившие на лбу. – Продолжаем реанимационные действия, надо обеспечить доступ кислорода, стабилизировать давление, дыхание и начать обследование, определиться с позвоночником, что там.

– Мэм, еще один раненый, – два медбрата вкатили каталку в операционную. – Афганский военнослужащий.

– Да, просмотр кинофильма сегодня, вероятно, придется отложить, – заметил полковник Харрис. – Становится жарко.

– Робинс, продолжайте. Что здесь? – Джин подошла ко второму раненому.

– Ранение сквозное, – доложил медбрат. – Входное отверстие в правом бицепсе, выходное – в правом бицепсе, потеря крови.

– Ну, это не смертельно. Немедленно ставьте капельницу, введите обезболивающее, обработайте рану, чтобы остановить кровотечение, и начинайте переливание, надо повысить кровяное давление. Он в сознании?

– У него шок, мэм.

– Введите противошоковые.

– Слушаюсь, мэм.

– Ну, как дела, капитан? – она вернулась к Робинсу и его подопечному.

– Кровь удалось остановить, пульс слабый, но он присутствует. Начинаем трансфузию. Было бы плохо, мэм, если бы он умер, – заметил капитан, взглянув на Джин поверх марлевой повязки, – я очень рад, что этого не произошло. Не могу привыкнуть, когда пациенты умирают. И вроде бы понимаешь, что сделал все, что мог, но все равно задаешь себе вопросы, так ли это на самом деле. Может быть, что-то не сделал, что-то забыл. Опять и опять все прокручиваешь в голове.

– Да, к этому привыкнуть трудно, – согласилась Джин. – Да и не стоит к этому привыкать, иначе как работать. Но врачи не боги, это верно.

– Бывает, ты сделал все, что мог, даже больше того, что мог, но для человека пришло его время. Бог забирает его, – вздохнул Робинс.

– Да, трудно спорить с Богом, – Джин улыбнулась. – Моей бабушке это удавалось, он, в общем-то, частенько уступал ей, не хотел связываться, а у меня получается далеко не всегда.

– Сэр, еще один раненый, – доложил медбрат, – на этот раз из них, из партизан то есть. Наши сделали вылазку. Вот сержант сопровождает.

– Мы открыли по ним огонь, – военнотружаший сдернул каску, вытирая пот, – они начали отстреливаться. Этот парень вскочил, я выстрелил по нему, он упал, трое убежали с того места, где он упал.

– Обстрел наверху прекратился, – сообщил Робинс.

– У него пулевое ранение с входным отверстием, – продолжал сержант, – мы осмотрели его.

– Понятно. Срочно на стол его, – приказал Харрис. – Партизан не партизан, нам все равно, мы обязаны оказывать помощь всем. Какие показатели, Джулия?

– Давление сто пятьдесят девять на сто двенадцать.

– Сэр, у него нет пульса.

– Я полагаю, надо вскрыть грудную клетку, чтобы обеспечить доступ к сердцу, – предложила Джин. – Необходимо пережать аорту, если не сделать этого, он умрет.

– Я согласен, мэм, – полковник Харрис кивнул. – Джулия, приготовьтесь к торакотомии...

– Левосторонняя, боковая по четвертому межреберью, – добавила Джин, взяв скальпель. – Ретрактор подайте, пожалуйста. И побольше салфеток. Надо остановить кровотечение.

– У него фибрилляция сердца, – сказал Робинс.

– Я сделаю прямой массаж. Следите за показателями. Джулия, укол адреналина! Как дела, капитан?

– Кажется, оно пошло, мэм.

– Что-то у нас сегодня одна остановка за другой, – полковник Харрис смахнул пот с побледневшего лица. – Давненько такого не было.

– Мэм, там на связи из Кабула полковник Фостер, он хочет поговорить с вами, – сообщил дежурный, заглянув в операционную.

– Скажите, я освобожусь через полчаса и перезвоню ему, – Джин даже не повернулась, продолжая вычищать рану.

– Слушаюсь, мэм.

– Ну что ж, полковник, – она взглянула поверх маски на Харриса, – похоже, и этот тоже у нас сегодня в плюсе. Так что отправим его к специалистам, как только пойдет на поправку, там он расскажет, с чего им сегодня пришлось в голову стрелять по нам.

– Похоже, это было не самое лучшее их решение, – пошутила Джулия. – Во всяком случае, для этого парня.

Через сорок минут в кабинете Харриса она услышала в телефонной трубке голос Майкла.

– Ты давно в Афганистане?

– Всего лишь сутки, – Джин улыбнулась. – Но уже успела попасть под ракетный обстрел и провести пару сложных операций. Как-то сразу почувствовала себя на линии фронта. Как в Ираке. Мне рассказали, что ты был здесь, на этой базе, всего неделю назад, объявлял благодарность лейтенанту Кейт Стролл и, как я поняла, произвел на нее большое впечатление.

– Да, очень способная девушка, – подтвердил Фостер, – командование ею довольно. Ее поощрили за спасение той несчастной афганки, которая сожгла себя от отчаяния.

– Я видела ее, – ответила Джин. – Ее зовут Айша. Сегодня мы собираемся с ней ночью смотреть «Властелина колец», и Кейт Стролл намеревается составить нам компанию. Я надеюсь, это как-то развлечет несчастную девушку, она почувствует силы жить дальше. Ну а что касается медицинской стороны – исправления внешности, психологической реабилитации, это все обеспечит мамин фонд, я не сомневаюсь. Главное, чтобы душа пробудилась. Снова почувствовала, что такое радость.

– Может быть, и мне присоединиться к вашему просмотру? – поинтересовался Майкл как бы невзначай. – Я как раз вечером свободен. Могу приехать, меня подкинут на вертолете. Как ты относишься к этому?

– Минуточку, – Джин приподняла брови от удивления. – Мне кажется, ты не понял меня. Мы собираемся смотреть «Властелина колец», а не «Апокалипсис» Копполы, ты ничего не перепутал? Ты всегда говорил, что тебя не волнуют сказочки.

– Не скажу, что этот фильм входит в число моих любимых, это верно, – Майкл усмехнулся. – Но чтобы увидеться с тобой, я готов потерпеть хоббитов и этих ушастых эльфов часок-другой.

– Ты приедешь с Долли? – теперь Джин пришлось приложить усилия, чтобы вопрос прозвучал равнодушно. – Кажется, так зовут твою подругу? Или она осталась в Штатах?

– С Долли мы расстались, – неожиданно сообщил он. – Очень быстро. Хватило и месяца. Вскоре после того, как ты уехала в Израиль.

– Вот как, я не знала, – Джин пожала плечами. – Жаль. Жаль Долли, во всяком случае, я так поняла, у нее были на тебя большие планы. Что ж, если тебя не держат никакие дела, присоединяйся. Во всяком случае, для Кейт Стролл это будет большая радость.

– А для тебя?

– Для меня тоже, не скрою.

– Тогда до встречи?

– До встречи.

– Сэр, там доставили тела двух повстанцев, убитых при вылазке...

Положив трубку, она услышала голос полковника Харриса в коридоре.

– Позовите лейтенанта Дустума. Пусть их похоронят по исламскому обычаю. Перевяжут ноги, завернут в белую ткань. Лейтенант, проследите за тем, чтобы все традиции соблюдались.

– Слушаюсь, сэр.

– Вы здесь, мэм? – Харрис заглянул в комнату. – Я не помешал?

– Нет, что вы, полковник, – Джин смутилась. – Это же ваш кабинет.

– Признаюсь, усталость накапливается, – полковник опустил в кресло перед компьютером. – Эмоциональные и физические нагрузки порой через край. Я понимаю капитана Робинса и тех, кто лезет на крышу смотреть на звезды.

– А как расслабляетесь вы, сэр?

– Мы с Джулией совершаем пробежки вокруг базы. Но это получается редко, ведь перемены у нас выпадают, когда, например, сильный дождь или буря, как сегодня. Но такие условия не годятся и для физзарядки тоже. Тогда, как вы предлагаете, мэм, мы смотрим хорошие фильмы. Мне нравится про Бэтмена. Но и «Властелин колец» неплох. Настраивает на философский лад. Это бывает полезно, – Харрис вздохнул. – Ведь мы никогда не узнаем, какой реальный вклад каждый из нас внес в общий успех. И остается только рассуждать о том, что мы на стороне добра, и это само по себе важно. Собственно, ради этого мы и явились на белый свет. Чтобы сражаться на стороне добра, когда наступит наша очередь, то есть делать самые обычные дела, как это ни парадоксально, спасти жизни людей, например.

Она ехала по внешней стороне Садового кольца к Малой Сухаревской площади. Сзади показалась группа машин, украшенная белыми шарами, лентами, плакатами с перечеркнутым портретом премьер-министра. Из окон высовывались люди, они весело махали руками, с тротуаров им отвечали приветственными криками москвичи. Джин включила поворот, показывая, что перестраивается в другую полосу, чтобы освободить дорогу. На дипломатическом «форде» со звездно-полосатым посольским флагом тут лучше не попадаться, и так на всех телеканалах трубят о том, что оппозиция в России подкуплена американцами. Добравшись до Малой Сухаревской площади, она пошла на разворот, разукрашенная группа машин пронеслась мимо, за ней появилась еще одна.

Джин выехала на внутреннюю сторону Садового кольца и свернула на Трубную улицу. Она двигалась медленно, читая названия переулков. Вот и Малый Сухаревский, указанный в визитной карточке, которую дал ей Борис Логинов в Сирии.

Еще один поворот. Через сто метров она остановилась перед домом. Опустив стекло, посмотрела вверх, на десятиэтажную громаду напротив. Здесь он живет. Во всяком случае, это тот самый дом, который указан в карточке. И если учесть, что сегодня суббота, Борис вполне может быть у себя.

Она взяла визитную карточку, взглянула на телефонный номер, вспомнила, как он передал ей эту карточку. Блеклый красноватый шар солнца за завесой пыли, садящийся за голые верхушки холмов, резиденция сестры сирийского президента Бушры аль-Асад, охранники, застывшие перед входом на фоне цветущих роз и гибискусов.

«Если передумаешь, позвони», – сказал тогда Борис с нарочитым равнодушием. «Я передумала, Борис, – подумала она с легкой иронией, набирая номер на мобильнике. – И не понарошку, только для того, чтобы ты уехал с базы, на которую направлены израильские ракеты. Передумала на самом деле. Надеюсь, ты поймешь меня правильно».

Она поднесла трубку к уху. Раздались протяжные гудки – один, три, пять... Наконец она услышала голос Бориса.

– Я слушаю. Кто это?

– Это я, Зоя. Ты помнишь меня? – спросила она и неожиданно почувствовала, как от волнения комок встал в горле.

– Зоя?

Ей показалось, он ошеломлен, даже поперхнулся. Но постарался не дать ей понять этого, взял себя в руки, отвечал спокойно.

– Ты где, Зоя?

– Я здесь, в Москве, стою перед твоим домом, во всяком случае, перед тем самым домом, который был указан в визитной карточке. Ты все еще живешь в нем? – спросила она.

– Да, живу, – ответил он. – Но сейчас я не дома. Я в офисе у отца.

Его голос прозвучал растерянno, но он поспешно добавил:

– Я сейчас приеду, Зоя. Не стой на улице. Я позвоню консьержке, она даст тебе ключ. Поднимайся в квартиру. Я скоро.

– Хорошо.

Из трубки понеслись короткие гудки. «Он по-прежнему живет один, – подумала она, даже радостно, как ни странно. – Если бы в этой квартире меня кто-то встретил, мне не пришлось бы брать ключ у консьержки, да Борис и не позволил бы мне туда подняться».

Она бросила мобильник в сумку, вышла из машины. Пискнула сигнализация, машина закрылась. Джин перешла улицу. За оградой виднелся внутренний дворик, выложенный шоколадно-белой квадратной плиткой, аккуратно вычищенный от снега, украшенный четырьмя подстриженными туями в круглых кадках.

Консьержка, женщина лет пятидесяти, с крутой шестимесячной завивкой, внимательно посмотрела на нее из-за стекла. Наклонившись, спросила:

– К Логинову? Борис Леонидович только что звонил. Проходите.

Замок на воротах щелкнул. Джин вошла.

– Второй подъезд, пятый этаж, пятидесятая квартира.

Консьержка протянула ключ, внимательно разглядывая ее.

– Борис Леонидович сказал, что скоро придет, – добавила она, желая показать, что в курсе дела.

– Я знаю, спасибо, – кивнула Джин.

Пройдя по двору, она вошла в подъезд. На бесшумном стеклянном лифте поднялась на пятый этаж. Квартира Логинова находилась справа. Обычная коричневая дверь с номером. Но

сердце почему-то на мгновение замерло, словно она собиралась не просто переступить порог квартиры человека, которого почти не знала. Ей почему-то казалось, она переступает порог совершенно новой жизни.

Джин вставила ключ в скважину, повернула два раза. Толкнула дверь – она бесшумно, медленно открылась. Тишина, темно. Никого. Но кого она ожидала встретить? Видимо, кого-то все-таки ожидала.

Джин закрыла за собой дверь и, не торопясь включать свет, сделала несколько шагов по коридору. Слева перед широким зеркалом, занимающим всю стену от пола до потолка, она увидела круглый кожаный пуф. Расстегнув короткое норковое манто, сняла, положила на него. Быстро оглядела себя в зеркале, закрутив волосы в узел на затылке и убрав выбившиеся пряди, направилась в комнату. Навстречу послышалось цоканье когтей по паркету. Джин остановилась. Большая черно-серая овчарка уселась в проеме двери, внимательно глядя на нее. Она не залаяла, ничем не проявила недовольства, просто села неподвижно, очевидно, давая понять, что путь дальше закрыт.

– Я понимаю, – негромко сказала Джин.

Она отступила назад, села на пуф, положив манто на колени. Собака внимательно наблюдала за каждым ее движением.

– Я не грабитель, – Джин щелкнула выключателем, рядом с зеркалом мягким розоватым светом вспыхнуло бра. – Я приехала к твоему хозяину. Он мне разрешил войти.

Пес наклонял голову то на одну сторону, то на другую, слушая ее.

– Но ты прав. Нам надо дождаться его, – решила Джин. – Он сам сейчас приедет.

Овчарка улеглась на пол, положив морду между передними лапами. Джин осторожно протянула руку и погладила собаку. Овчарка позволила ей это сделать, даже чуть-чуть приподняла голову.

– Ты мне, конечно, не скажешь, как тебя зовут, – положив манто на пуф, Джин присела перед собакой на корточки, – но мне это обязательно скажет твой хозяин. А меня зовут Джин. Ты запомнишь?

Она гладила пальцами лоб собаки, глядя в темно-коричневые с красноватым отблеском глаза животного, а память уносила ее назад, в детство.

– Бабушка, бабушка! Айстофель прыгнул в воду! Бабушка, он утонет! На помощь!

Прижав ладошки к вискам, пятилетней девочкой она бегала вокруг мраморного фонтана, окруженного старинными оливковыми деревьями в саду прованского замка. А точно такая же черно-серая овчарка с большой красивой мордой и умными коричневыми глазами с восторгом плескалась в воде в знойный августовский день.

– Бабушка, иди скорей!

– Не волнуйся, Джин, Айстофель прекрасно умеет плавать. Ничего с ним не случится.

Маренн вышла на террасу. Облокотившись на парапет, с улыбкой наблюдала за Джин. Теплый прованский ветер старался растрепать ее темные волосы, закрученные в узел на затылке.

– Он сейчас поплавает и выберется сам. Ему жарко. Представь, если бы тебе в такую жару пришлось бы все время ходить в шубе.

– Ой, бабушка, он вылезает...

Собака подплыла к краю и резво выпрыгнула из фонтана.

– Отойди подальше, Джин, – попросила Маренн. – Он сейчас начнет отряхиваться и забрызгает твое новое платье. А мама опять будет упрекать нас с тобой за неаккуратность. Поднимайтесь ко мне. Я приготовила тебе сок и мороженое.

– А Айстофель? Он будет есть? – обрадовавшись, Джин вприпрыжку побежала к лестнице.

– Мороженое – конечно, – улыбнулась Маренн, расставляя чашечки с мороженым на круглом столике под зонтом на террасе. – А так он не будет есть ничего существенного, пока не спадет жара.

Она пододвинула стул для Джин.

– Садись. Ешь понемногу, чтобы не простудить горло, и не забудь поделиться с Айстофелем.

– Ну конечно, бабушка!

Темно-коричневые глаза овчарки, совсем другой собаки, внимательно смотрели на нее, спустя почти сорок лет. Странно, Борис не сказал ей, что в квартире собака, но то, что это оказалась немецкая овчарка, – такое не может быть случайностью!

На площадке стукнули двери лифта. Послышались шаги. Собака вскинула голову – он. Провернулся ключ в замочной скважине. Джин выпрямилась. Борис вошел, чуть наклонившись. Высокий, в распахнутой коричневой дубленке, с непокрытой, все так же коротко остриженной головой. Бросил ключи на полку рядом с зеркалом. Собака радостно подбежала к нему.

– Рейси, привет! – Борис ласково потрепал пса по загривку. – Черт, я совсем забыл. Он ничего тебе не сделал? Я забыл сказать, что в квартире собака.

– Нет, мы почти познакомились, – ответила она. – Я сказала, как меня зовут. А вот теперь знаю, как зовут его. Все мое детство прошло именно с такой собакой.

Она улыбнулась, поправляя волосы.

– Его звали Вольф-Айстофель. Это был уже третий или четвертый Вольф-Айстофель, которого завел мой дядя Клаус. Он называл всех своих собак одинаково, в честь легендарной в нашей семье собаки, которая пережила с бабушкой осаду Берлина в сорок пятом году. И все они обязательно были немецкими овчарками. Дядя Клаус очень любил их. А Вольф-Айстофель был самой горячей, просто сумасшедшей мечтой его детства, которая осуществилась только после войны, когда он стал жить с бабушкой и тетей Джил. Сейчас дядя Клаус живет в Берлине, и у него конечно же есть Вольф-Айстофель.

Джин наклонилась и ласково погладила собаку по спине.

– Пятый. Или даже шестой. Я уже сбилась со счета.

– Это твоя машина перед домом, с дипломатическими номерами? – Борис снял дубленку, повесил в шкаф. – Может быть, ты представишься и мне. Не только моей собаке. Ведь ты не Зоя, как я понимаю. На машине американский флажок. Миссис Джин Фостер-Роджерс, кажется, так? И ты приехала в Москву с новым американским послом Макфолом?

– Просто Джин Роджерс, – ответила она, неотрывно глядя ему в лицо. – Мы развелись с Майклом еще до того, как мне пришлось перейти границу, и я оказалась в Сирии. Откуда ты узнал? Впрочем, глупый вопрос, я понимаю.

– Я просмотрел список американской делегации, просто по долгу службы, и вдруг обнаружил, что одно лицо мне очень знакомо. Проходи.

Он жестом пригласил ее в комнату, щелкнув выключателем, зажег свет.

– Располагайся. Хочешь что-нибудь выпить? У меня есть неплохое французское вино.

– Не откажусь, – Джин опустилась на мягкий диван, обтянутый белой кожей.

Собака улеглась напротив, рядом с круглым стеклянным столом.

– Сам я предпочитаю виски.

Борис подошел к бару, достал бокалы.

– Значит, полковник Джин Роджерс? – откупоривая бутылку, он иронично взглянул на Джин. – Кадровая разведчица? И здесь ты, конечно, под дипломатическим прикрытием.

– Да, конечно. Иначе я бы не приехала. Но только полковник я по медицинской части и приехала заниматься делами благотворительного фонда своей матери, а также для участия в конгрессе.

– В конгрессе по пластической хирургии?

Он налил темно-бордовое вино в бокал, поднес ей, потом плеснул себе виски из уже открытой бутылки.

– У нас сейчас все помешались на этих подтяжках морщин и силиконе, – усмехнулся он, усаживаясь в кресло напротив. – Неужели ты тоже занимаешься этим?

– Нет, – Джин покачала головой. – У меня проблемы посерьезней. Это радиологический конгресс. Два дня там будет посвящено ядерной медицине. Меня очень интересует этот опыт.

– Ах, так. Понятно, – лицо его стало серьезным. – Правда, не думал, что ты захочешь со мной увидеться. Я так понимаю, мисс Джин Роджерс, полковник медицинского корпуса США, я обязан тебе жизнью? Ты намеренно позвала меня к той женщине в приграничной деревне, чтобы я уехал с базы?

– Да, – она не стала отрицать. – Я знала, что должно произойти, и другого способа у меня не было. Как не было никакой возможности остаться. Я знала, что после обстрела подозрение сразу же падет на меня. К тому же я не сомневалась, что в информации, которую ты получишь обо мне из Москвы, будет четко отмечено, что гражданка Зоя Красовская никогда там не проживала и медицинский институт не заканчивала. Этого было бы достаточно, чтобы Шаукат, быстро сменив милость на гнев, бросил меня в тюрьму, и американскому послу еще пришлось бы потрудиться, чтобы достать меня оттуда.

– Да, в информации, присланной из Москвы, именно так и значилось: никакая Зоя Красовская в Москве на улице Гиляровского никогда не проживала, – подтвердил Борис. – И никаких учебных заведений с медицинским профилем не заканчивала. С такой фамилией упоминались несколько семей, одна из них, еврейского происхождения, в середине семидесятых уехала в Израиль.

– Что ж, твоя служба, как всегда, на высоте, – Джин отпила вино. – Действительно, я взяла фамилию Алекса Красовского, он имеет отношение как раз к тому самому семейству эмигрантов, правда, родился уже в Израиле. Сейчас он служит в израильском спецназе, а тогда возглавлял полицейский участок на Голанах.

– У вас были романтические отношения? – Борис спросил подчеркнуто равнодушно. – С чего вдруг ты взяла его фамилию?

– Были. Когда я вернулась, он хотел уехать со мной в Америку, чтобы поговорить с моим отцом и просить моей руки. Хотя я, конечно, взрослая девочка, – она усмехнулась, – и все могу решать сама, но он так хотел. Я не возражала.

– Не получилось?

– Не получилось, – Джин вздохнула. – Его бывшая жена разбилась на машине на горном серпантине насмерть. Остались двое сыновей. Алекс взял их к себе, они сейчас живут с его родителями. Но уехать из Израиля он пока не может, а я не могу все время находиться в Тель-Авиве. Так что роман пока возможен на расстоянии, а расстояние, как известно, не способствует долгому существованию горячих чувств. К тому же там есть женщина, которая постоянно рядом и готова помочь во всем, пока на дружеских началах, конечно. Маша Залман, его медик с полицейского участка. Я не исключаю, что она вовсе не бескорыстная помощница. Но унижаться до ревности и ссор не хочу. У меня для этого просто нет времени. Ведь я не свободный человек, у меня служба, работа в благотворительных организациях, очень много обязанностей. А ты все так же один?

Она оглядела комнату, и ее взгляд остановился на собаке.

– Впрочем, быть с Рейси – это уже значит не быть одному. Уж кто-кто, а я это хорошо знаю. Собака, конечно, никогда не заменит близкого человека в прямом смысле. Но это совершенно особенный друг, с ним совершенно особенные отношения, даже более чистые и высокие, чем случаются между людьми.

– Да, Рейси заменяет мне семью, – Борис согласился, криво усмехнувшись. – Рейси и отец. Больше у меня никого нет. Рейси напоминает мне Майю.

Он жестом подозвал собаку, она подбежала и положила морду ему на колени.

– Грациозная, молчаливая. Майя была очень молчаливая. В отличие от многих других женщин, у которых рот никогда не закрывается. Я приехал в ту деревню, к Абии, кажется, так звали хозяйку дома, – он поднял голову, взглянув на Джин, она кивнула. – И обнаружил, что меня никто не ждет, а Абия совершенно не в курсе того, что я должен приехать. Она была удивлена и испугана, увидев меня. Правда, долго разбираться у меня не было времени. Буквально через пять минут, как я вышел из машины и поговорил с Абией, мне позвонили и сказали, что на базу совершен налет. Я не сразу сообразил, что это связано с тобой. Сначала думал, что ты где-то задержалась. Но потом обнаружилось, что ты исчезла. Бросила водителя такси на горной дороге и убежала, а с тобой эта девушка, из заведения Мустафы.

– Снежана, – подсказала Джин. – Она сейчас живет в Чикаго. Работает медицинской сестрой в клинике моей мамы, поступила учиться в университет. Захотела быть врачом, когда увидела, как я оказываю помощь Милисе. И это желание у нее не прошло, как ни странно.

– Милису я сразу же забрал у Бушры, как только выяснилось, что ты, вероятно, причастна к бомбардировке и на самом деле вовсе не Зоя Красовская. Кстати, я не стал доводить эту информацию до сведения Шауката, убедил их, что вы обе, ты и Снежана, просто сбежали обратно на Голаны, убедившись, что жизнь в Сирии труднее, чем была у вас прежде с вашими мужьями. Иначе водителю, который вез вас, пришлось бы туго, боюсь, что его расстреляли бы. Да и той женщине, Абии, досталось бы. А уж о раненых повстанцах, которые оставались в резиденции аль-Асадов, и говорить нечего. Махер и его группировка сумели бы настоять на том, чтобы их всех уничтожили. И Бушра ничего не смогла бы для них сделать. Ведь тогда ей пришлось бы признать, что она укрывала у себя и оказывала содействие... израильской шпионке. Бушре и самой пришлось бы бежать из страны после таких открытий.

– Что стало с этими людьми, с ранеными повстанцами? – напряженно спросила Джин. – Я сообщила о них в наше посольство в Дамаске, их должен был забрать Красный Крест. Мама послала в Дамаск наших эмиссаров.

– Они их забрали, – ответил Борис. – Но до того мне пришлось эвакуировать их вместе с Милисой и всех поручить заботам Геннадия Петровича Хомского, это тот врач, которого отец привез с собой из Москвы. Он организовал в резиденции отца полевой госпиталь и ухаживал за ранеными, пока не появились посланцы твоей мамы. Отец сначала был категорически против, но когда увидел, в каком состоянии эти люди, смирился. А Милису я привез в Москву. Она лечилась в Склифосовского, здесь, недалеко, на Большой Сухаревской площади. А сейчас проходит реабилитацию в специализированном центре. Геннадий Петрович все время опекает ее. Как только это станет возможно, он сделает ей пластику в своей клинике, сначала хотя бы на лице, чтобы она не так отчаивалась. Он согласился сделать это бесплатно.

– Да, я подозревала, что самое главное испытание у этой девушки еще впереди, когда она окончательно придет в себя и посмотрит в зеркало, – вздохнула Джин. – Как она отнеслась к тебе? Испугалась?

– Она долгое время меня не видела вообще. С ней занимался Хомский и та сиделка, которую оставила ты. Я стал появляться позже. Да, сначала она панически боялась. Но потом я попросил у нее прощения, не думаю, что она простила меня на самом деле, – он сокрушенно покачал головой. – Но шарахаться перестала. Поняла, что больше ей ничто не угрожает. Кстати, Хомский, когда осмотрел ее, сказал, что врач, лечивший ее с самого начала, достал ее с того света, и это врач от бога. Он так сказал о тебе. А он понимает в этом. Был военным хирургом в Афганистане, руководил госпиталем в Чечне, доктор наук, очень известный специалист.

– Всегда, когда меня хвалят, это приятно, – Джин допила вино и поставила бокал на стол. – Но я отвечаю только одно: мне стыдно быть плохим врачом. С такой бабушкой и мамой.

– А кто была твоя бабушка?

– Главный хирург войск СС, – Джин улыбнулась, увидев, как приподнялись от удивления брови Бориса.

– Не слабо, – он присвистнул. – А мама?

– Она прошла всю вьетнамскую войну. Бабушка была легендой, за всю войну у нее никто не умер. Ни один раненый, представляешь? У мамы случалось, – Джин вздохнула. – Она очень это переживала. Ты жил с Майей здесь?

Она встала, подошла к окну, отодвинула штору.

– Нет. Ту квартиру я продал, не смог там жить, – он подошел и встал сзади. – Я говорил тебе. Здесь все новое. Здесь только Рейси. Иногда заезжает отец. Но чаще я езжу к нему.

– Я бы хотела увидеться с Милисой, – сказала Джин, глядя вниз, на пустынный двор. – Это возможно?

– Возможно. Я уверен, она обрадуется, когда ты придешь.

– Она спрашивала обо мне?

– Спрашивала. Я ей сказал, что ты уехала в Израиль. Она тебе очень доверяла, хотя никогда не сказала ни слова об этом.

Он помолчал с минуту и спросил:

– Твоя мать – русская княгиня? Эмигрантка? Я бы хотел познакомиться с ней.

– Не думаю, что это возможно, – Джин пожала плечами. – У нее очень болезненное отношение к КГБ. Сколько бы времени ни прошло, она не может забыть. И простить не может в душе. Хотя вслух говорит, что прощает. Понимает, что теперь другие люди. И все другое.

– Она пострадала от преследований?

– Еще как пострадала. Ее отца реабилитировали, но утешения в этом мало. Знакомство с действующим офицером КГБ было бы ей малоприятно. Впрочем, – она повернулась, – мне бы тоже не хотелось видеться с твоим отцом. Даже случайно. Мне много известно о нем.

– Зачем же ты все-таки нашла меня? – глядя ей в лицо, он провел пальцами по ее плечу, собрав гармошкой черный шелк блузы. – Из любопытства?

– Я искала случая попасть в Москву, – ответила она совершенно искренне.

– Чтобы посмотреть на улицу Гиляровского, где якобы жила, – усмехнулся он.

– Нет, чтобы увидеться с тобой и узнать о Милисе, – призналась она. – Я часто вспоминала наши разговоры в Сирии. Но, кажется, выбрала неудачный момент.

Она слегка повернула голову, отбрасывая волосы назад, отступила на шаг.

– Даже сама не ожидала, что здесь все так поменялось.

– Что именно? – он сел в кресло, закурил сигарету. – Ты об этой истерии на ТВ?

– Да, теперь здесь все сильно не любят Америку.

Она опустила на диван напротив. Он наклонился, налил ей еще вина. Себе плеснул виски.

– Предвыборная трескотня, не больше того. Верят те, у кого нет мозгов, – сказал он на удивление равнодушно. – Как и в советское время, верить телевизору – это обрекать себя на отупение. Но разве в Америке не так? Когда ставки высоки?

– Не совсем так, – ответила она мягко. – В Америке всегда есть альтернатива. Всему. А здесь нет.

– Мне не хотелось бы с тобой обсуждать политику, – он поморщился.

– Мне тоже. Но общий климат мне не нравится. Мне не нравится, когда людей в одной стране делят на своих и врагов.

– Как ты понимаешь, это зависит не от меня, и не от тебя тоже, – он пожал плечами.

– Мне почти все равно, – она тоже пожала плечами в ответ. – Я не знаю эту страну. И через несколько дней спокойно вернусь в Америку. Но мне жалко маму. Сколько бы ни прошло

лет с тех пор, как она отсюда уехала, она чувствует связь со всем, что здесь происходит. И ей тревожно. Советский ренессанс ее не радует.

– Кого он радует?

– Разве тебя – нет? – она удивилась. – Восстановление мощного влияния армии, спецслужб? Проникновение их во все сферы жизни общества, полный контроль? Почти как в Третьем рейхе. Тоталитарный диктат, делай, что хочешь – все безнаказанно.

– Меня не радует.

Он положил сигарету в пепельницу, встал, обошел диван, опустил руки ей на плечи.

– Я же говорил тебе, Леонид Логинов не родной мне отец, родной совсем другой, и, видимо, гены у меня другие. Всякое вранье мне противно, даже если оно во благо, как его понимают те, кто врут. Я интересовался своими предками. Не по линии Логиновых, по материнской линии и по настоящему отцу. Ну, по нему там все крепостные, но все-таки крестьяне, не лакеи. А у матери сплошь учителя и врачи. То есть люди с образованием. Но чтобы князя, – он покачал головой. – Я как прочел «урожденная княгиня Голицына», то подумал – ну, куда уж нам до госпожи Фостер-Роджерс, – он разворошил ее волосы на затылке, – из нашей-то тверской да владимирской норы. Как-никак, Гедиминовичи, Романовым ровни.

– Все-таки в России произошли кое-какие изменения, – Джин повернулась. – Во время войны эта фамилия вообще никому ничего не говорила, большинство про нее и не слышали. И комсорг при штабе Шумилова, где служила моя мама, всерьез настаивал на том, чтобы она вступила в комсомол. Комсомолка Голицына, его в этом ничего не смущало. Абсолютно.

– Как долго ты пробудешь в Москве? – спросил он, наматывая на палец ее волнистые каштановые волосы.

– Пять дней.

– Я позвоню Хомскому, чтобы он устроил тебе встречу с Милисой.

– Спасибо, Борис.

– Джин...

Он наклонился к ней, заглядывая в лицо.

– Все-таки сложно называть тебя вот так, вслух, этим именем, – добавил смущенно. – Но то, что ты сказала тогда, перед бомбардировкой, по телефону, это была игра?

– О том, что люблю? – Джин отстранилась и опустила голову. – Разве теперь, когда ты знаешь, кто я на самом деле, это имеет значение? Ведь Зоя Красовская, которой можно предложить переехать в Москву, и полковник Джин Роджерс из американского посольства – это не совсем одно и то же, не находишь?

– Как раз это не имеет значения для меня, – ответил он решительно. – Тем более что и Джин Роджерс – русская наполовину. А в остальном, какова ты, я видел собственными глазами, и мое впечатление не изменилось. Ты не играла там, в Сирии, ты была сама собой. И для Зои Красовской это было слишком много.

– Заметил? – она покачала головой.

– Трудно было не заметить. Однако для Джин Роджерс в самый раз. Так правда или играла?

Взяв за плечи, он снова притянул ее к себе.

– Тогда – правда наполовину, – ответила она. – Теперь даже больше, чем тогда.

Она подняла взгляд. Он наклонился вперед, она увидела его лицо совсем рядом, серые глаза, казалось, остановились, потухли на мгновение, и словно засветились изнутри. Чуть повернувшись, она обняла его за шею, наклонила голову еще ниже. Когда его губы коснулись ее губ, она поддалась с готовностью, мягко, как будто с самого начала только и ждала этого, без малейшего сопротивления или неуверенности. Коготки собаки процокали по паркету за диваном. Рейси улегся под столом, невозмутимо глядя на происходящее.

За окном стемнело. Сквозь прозрачную ткань занавеси было видно, как крупные снежинки медленно падали, кружась и поблескивая в голубоватых отсветах рекламных огней. Джин прислонилась щекой к плечу Бориса. Не открывая глаз, он обнял ее, прижимая к себе.

– Что дальше? – спросил негромко, чуть хриловато. – На этом все? Каждый по свою сторону баррикады?

– Если она существует, эта баррикада, то да, – Джин пожала плечами. – Правда, я не уверена. А так завтра утром я поеду на конгресс, а потом надеюсь навестить Милису.

– Я позвоню Хомскому.

Отстранив ее, он встал с постели, начал одеваться. Джин лежала, закинув руки за голову.

– Мне надо вывести Рейси, я недолго. Ты можешь распоряжаться на кухне. Анна Кирилловна, жена отца, только вчера загрузила мне холодильник, я сам толком не знаю, что там. Кофе стоит на столе. Ну, кофеварку найдешь, я надеюсь, – он улыбнулся.

Уже направляясь к двери, он спросил:

– Ты остановилась в гостинице?

– Нет, – Джин качнула головой, отбрасывая упавшие на лоб волосы, – пока я нигде не остановилась. Меня пригласила Донна, супруга Макфола, чтобы я остановилась у них. Скорее всего, я так и сделаю. Но это не значит, что я должна отчитываться за каждый шаг.

– Понятно. Рейси, идем!

Борис вышел в коридор, в приоткрытую дверь было слышно, как звякнули ключи, собака побежала за ним. Зазвонил мобильник. Выходя на площадку, Борис говорил кому-то в трубку:

– Эти цены действительно до первого марта. Да, недалеко от Несебра, море близко. Там разные предложения. Я скажу, чтобы тебе сбросили оферту...

Дверь закрылась. Джин осталась одна. Наступила тишина. Поднявшись с постели, Джин завернулась в мягкий полосатый плед и подошла к окну. На улице мелькали огоньки рекламы, проезжали машины. Вот уже почти сутки она в Москве, но все еще ровным счетом ничего не чувствует к этому городу. Как не чувствовала и в Петербурге, когда впервые приехала туда почти десять лет назад вместе с матерью. Почему так? Ведь ее предки прожили в Петербурге не год, не два, – несколько столетий, а в Москве еще дольше. Для ее матери каждый дом, каждый поворот наполнены смыслом, воспоминаниями, а для нее ничего не значат. И та самая генетическая память, о которой столько говорено, тоже, как ни странно, молчит. Быть может, для нее как раз все только начинается. Вот здесь, в квартире Бориса в Малом Сухаревском переулке, бывшем еще вчера не более чем строчкой в визитной карточке, начинается ее Москва, ее Россия, непохожая на ту, какую помнили ее мать и тетка.

Джин вошла в ванную, включила свет. Рядом с большим круглым зеркалом на блестящем крючке висел белый махровый халат. Сбросив плед, она надела его. Халат был великоват, но это ее не смущало. Закатав рукава и затянув потуже пояс, Джин пошла на кухню, ступая босыми ногами по ковролину. Включила кофеварку, тостер. Открыла холодильник, осматривая содержимое.

В прихожей щелкнул замок, входная дверь открылась. Пробежав по коридору, Рейси ткнулся мордой в блестящую миску в углу кухни, наполненную сухим кормом, аппетитно захрустел, поглядывая на Джин.

– Там в зеленом контейнере салат с трюфелями, – громко сказал Борис из прихожей. – Анна Кирилловна его очень вкусно делает. Мне нравится. И достань Рейси его ветчинную колбасу, он же ни за что не пропустит.

Входя на кухню, Борис потрепал собаку по загривку.

– Тарелки, чашки здесь.

Он открыл шкаф.

– Тебе идет мой халат, – иронично заметил, оглядывая Джин.

– Главное, мне в нем удобно.

Наливая кофе в чашки, она спросила:

– Ты правда хотел жениться на Зое Красовской? Или только соблазнял?

– Правда хотел, – он подошел к ней сзади, ласково провел пальцами по волосам. – На русской женщине, волей случая оказавшейся в Сирии, к тому же талантливом враче, – почему нет? Ты мне очень понравилась, сразу. Я говорил правду, влюбился с первого взгляда.

– Наверное, жаль, что я не Зоя Красовская, – она подала ему чашки. – Поставь на стол.

– Мне не жаль, – неожиданно ответил он. – Я даже рад.

– Почему? – она удивилась и села напротив него. – Ты не был бы одинок, у тебя был бы близкий человек, который наконец-то заменил бы Майю. К тому же во всем от тебя зависящий, что, я так понимаю, тоже немаловажно.

Борис наклонился к ней, глядя в глаза.

– От Зои Красовской в тебе было только имя. А имя – что? Это ничего. Только обертка, не более. Все же нутро – твое. И именно оно мне близко. Эта твоя решительность, энергия, готовность бороться до конца за совершенно незнакомого, еще вчера чужого человека. Эта способность сочувствовать искренне, не остаться равнодушной, забыть о себе. Это все не наши черты, они теперь у нас редкость. Западный индивидуализм у нас понимается примитивно, как, впрочем, и все западное – как самый махровый эгоизм, хотя это далеко не одно и то же. Люди стали черствые, сосредоточены на себе. Такой большой зверинец мелких особей, озабоченных только собой. Те, кто по наследству мог получить такие черты, как у тебя, составляли некогда прослойку лучших людей России, но они либо покинули ее после революции, либо были уничтожены здесь, как твой дед. А мой настоящий папаша, мастер с завода ЗИЛ, у него какие были интересы в жизни? Только нажраться в стельку и колотить мать, когда она его упрекала. Таких было большинство. И теперь они большинство, по мозгам, по душе, по совести. Получить деньги любым путем, и желательно поменьше работать. Никаких идеалов или высоких стремлений, даже освоить профессию так, чтобы быть в ней специалистом, и то неохота, лишь бы как. Лишь бы колбаса была, ветчинная.

Он отрезал собаке кусочек колбасы.

– Рейси, пойдی сюда, на, кушай, молодец!

Борис снова взглянул на Джин.

– Так что ты была откровением для меня. Я еще подумал, неужели раньше в Советском Союзе встречались такие девушки, и почему к ним так несправедлива судьба? А оказалось, они встречались не в Советском Союзе, а в Бостоне.

– В Чикаго, – поправила его Джин. – А скорее, в Париже. Ведь я выросла во Франции, с бабушкой.

– Это не сильно меняет дело, – он отпил кофе, достал сигарету, закурил. – Хотя, с другой стороны, полковник медицинской службы США вряд ли примет мое предложение. К тому же с такой мамой, которая на дух не переносит КГБ. В этом смысле с Зоей Красовской куда как легче.

– Твой отец на дух не переносит Америку и Израиль, – напомнила Джин, – и это он – главный архитектор нынешней так называемой многовекторной внешней политики России, ориентированной в основном на то, чтобы поддерживать Китай, строитель прошлого вместо будущего. Так что в этом смысле мы равны. Наши родители воплощают собой это прошлое, в котором не могло быть примирения. Странно другое – что оно не планируется и в будущем.

– Отец имеет право на свои взгляды, – ответил Борис, – я их не разделяю. Точнее, разделяю не полностью. Впрочем, я никогда не думал, что все это может помешать моему личному счастью.

Он покачал головой.

– Влюбиться в американского полковника – такой поворот трудно предсказать. Как будто своих не хватает. Я люблю тебя, без шуток. Это правда.

Он взял ее руку, поднес к лицу, целуя пальцы.

– Я верю, – мягко ответила она. – Это лишь говорит о том, что мир меняется, но где-то это упорно не желают замечать.

– И чтобы быть вместе, кому-то надо уйти со службы.

– Мне уходить необязательно, – Джин пожала плечами. – Да, я больше не буду выполнять задания для ЦРУ, но меня это совсем не огорчает. Даже радует. В медицинском корпусе я останусь. И благотворительная деятельность в Международном Красном Кресте от меня тоже никуда не денется.

– Да, у нас так легко не отвертеться, – Борис стряхнул пепел в пепельницу. – Мне отставка гарантирована. Но меня это не пугает. Наслужился. Я даже хочу уйти в бизнес. Гораздо хуже с отцом. Ты права, он этого никогда не примет. И все узнает по своим каналам, даже если я ему не скажу. Он видит мое будущее по-другому. Не далее, как позавчера Анна Кирилловна познакомила меня со своей молодой сотрудницей, которая, как они считают, мне подходит. Но мне подходит Зоя.

Он снова притянул ее за руку к себе.

– Впрочем, Зоя, Джин – какая разница? Им этого знать совсем не обязательно.

– О, я вовремя успела, – улыбнулась Джин. – А то бы тебя женили.

– Исключено, – он поцеловал ее в губы. – Это уже не первая попытка. И кандидатка не первая. Я терпеть не могу всех этих искусственных знакомств. Но Анна Кирилловна так представляет себе и убеждает отца. Он ей поддается, ведь она доктор.

Борис иронично улыбнулся.

– Кстати, она мне говорила, и не один раз: «Боря, жена-доктор – это очень выгодно, во всех отношениях».

– Но не из медицинского корпуса армии США, – уточнила Джин. – Хотя там доктора лучше.

– Не из медицинского корпуса армии США, – согласился он. – У Анны Кирилловны будет обморок от одного этого названия.

Борис перевернул ее руку, поцеловал глубокий шрам на ладони.

– Что это? Я заметил еще в Сирии. Порез? Ты промолчала тогда. Для пореза, по-моему, слишком.

– Да, для пореза слишком, – она высвободила руку, с нежностью провела пальцем по его щеке и подбородку, – в наблюдательности тебе не откажешь. Это ожог от радиации. Заживало долго, слава богу, зажило.

– От радиации? В Японии? Ты была в Японии? – спросил он с тревогой. – На Фукусиме?

– Нет, раньше. И не в Японии. В другом месте.

– В Иране? – догадался он. – Ты выполняла там задание.

Она покачала головой.

– Я не могу говорить об этом. Надеюсь, ты понимаешь.

– Еще бы!

– Иногда бывает так, что остаешься последним, кто может продлить жизнь хотя бы на несколько мгновений, взяв часть болезни на себя, и не можешь поступить иначе. Я не смогла поступить иначе, хотя понимала, что меня ждет. Получи я этот ожог на Фукусиме, я бы не успела к тебе на свидание в Сирию, – пошутила она, чтобы смягчить горечь своих слов.

– Я знаю, что такие вещи не проходят бесследно.

– Не проходят, – Джин устала в чашку с кофе. – И для меня не прошли, конечно. Я регулярно обследуюсь.

– И что?

– Пока что тромбоциты в норме, – ответила она с легкой улыбкой, – количество лейкоцитов в крови слегка повышено, но допустимо. Так что, можно сказать, все спокойно. Но ради-

ация – такая штука, она может подействовать и через десяток лет. Легко. Как только количество тромбоцитов начнет сокращаться, а лейкоциты резко увеличатся, будет ясно, что процесс пошел.

– Это неизбежно?

– Все зависит от организма. От природы на самом деле, врожденной природы, сможет справиться на латентном уровне или нет. Очень надеюсь, что мама и папа меня не подведут.

– У Голицыных древняя, сильная кровь? Ведь по-нашему, по-русски, ты Голицына?

– Да, Голицына. Это по-ихнему, по-американски «Голицин», – она рассмеялась, – а по-русски Голицына.

Она загадочно понизила голос:

– У меня даже имя русское имеется.

– Вот как? – он вскинул бровь и снова прижал ее пальцы к губам. – И какое?

– Маша. Мама назвала меня в честь бабушки, та была родом из семейства Габсбургов и ее официально именовали эрцгерцогиней Марией-Элизабет, а на французский манер – Маренн. Так и записали: Мэри-Джин Роджерс. На втором имени настоял папа, так звали его маму, и он очень этого хотел. Но, поскольку я воспитывалась у бабушки, чтобы меня с ней не путать, чаще стали звать Джин, так и осталось.

Она, помедлив, добавила:

– А еще мама мне говорила, что в детстве ее героиней была княгиня Мария Волконская, дочь генерала Раевского, и поэтому она всегда хотела, если у нее когда-нибудь будет дочка, назвать ее Машей. Так, собственно, и сложилось.

– У нас здесь, конечно, не самый сложный участок, мэм.

Капитан Боб Шлихт повернулся к Джин. Розовый луч восходящего над горами солнца блеснул на стеклах очков, прикрепленных к каске.

– Как последний курс университета, – пошутил он, – не уровень доктора наук, но квалификация требуется. Есть территории посложнее, но и нам здесь расслабиться не дают.

Шлихт широко улыбнулся.

– Держи ухо востро и смотри в оба, никогда не знаешь наверняка, где наткнешься на их подарочек. Это настоящая война, мэм, эти ребята ни на секунду не выпускают нас из поля зрения, они следят за нами, изучают наши методы, приспосабливаются к нам, намеренно сеют панику. Устраивают засады.

– Он хочет сказать, мэм, что мы поедем очень медленно, – добавила Кейт Стролл. – По известному правилу, тише едешь – дальше будешь. Тут спешка ведет прямо на небеса, даже не в гости к Богу, а на ПМЖ, если можно так выразиться. Возможно, вам следовало бы воспользоваться вертолетом, мэм. Через полчаса уже были бы на месте. А мы доберемся до базы Зета, где проводятся ваши медицинские курсы, в лучшем случае к обеду.

– Вы, мэм, были в Ираке? – спросил Шлихт.

– Была, кэп.

– Ну, там у нас не было такой техники, как сейчас. Там главное было поскорее проскочить участок в надежде, что они просто не успеют привести СВУ в действие, а здесь со всеми этими сканерами мы теперь ползем как черепахи. Не скажу, что это добавляет уверенности или приносит удовольствие, куда там. Сидишь в этом гробу на колесах, – он присвистнул, – заглядываешь под каждый камень, под каждый мешок, здорово на нервы действует. В голове только одна мысль: ты должен достать СВУ раньше, чем оно достанет тебя. Так что Кейт права, вам в самом деле лучше было бы вертолетом. Надежнее.

– Как бы то ни было, я здесь, – ответила Джин. – И у меня нет привычки сожалеть о решениях, когда они приняты. Да я и не сожалею, мне интересно посмотреть, как вы работаете, тем более что времени у меня предостаточно.

«Может, они и правы, – подумала она. – Только в самом деле рассуждать поздно. Майкл предупреждал, что это далеко не забавное приключение – ехать в колонне бэтээров до базы Зета, но тебе хотелось поскорее убраться от него подальше, – иронизировала она над собой. – И ты воспользовалась тем, что Кейт пригласила тебя, сказав, что они выезжают, как только взойдет солнце».

И вот уже два часа в пути по каменистой дороге. Колонна ползет медленно. Впереди новейший БТР «Хаски» сканирует дорогу при помощи радиолокаторов, камеры под панелями делают снимки земли. За ним движется «Буффало», самая большая машина с противоминной защитой, оборудованная противоминной рукой – экскаватором, чтобы выкапывать провода и взрывчатые вещества. И только третьим идет RG-31 с личным составом на борту. Да, с таким эскортом быстро не доедешь, но, признаться честно, это лучше, чем оставаться с Майклом. Она едва выдержала те два с половиной часа, оставшиеся после просмотра «Властелина» до выезда группы. Все время старалась уйти от разговора, к которому он подводил ее, – об их отношениях, о том, что все можно начать с начала. К такому повороту она не была готова. Легче тащиться по серой пустыне за «Буффало», чем в сотый раз придумывать, как увернуться от прямого вопроса, не ответив ни да ни нет.

– Эти СВУ – такая штука, очень коварная, – снова услышала она голос капитана Шлихта. – Впервые их применили саддамовцы, ну а афганцы быстро переняли. Так получается, что вроде и виноватых нет. Местные ни при чем. Ты сам приводишь в действие взрывное устройство, наезжая на него. Раз, бум – и готово, ты на том свете, быстренько и удобно, без церемоний. Это такие мины, похожие на нажимные пластины. Разные. У этих парней с гор большое разнообразие: и советские, и китайские, и итальянские «игрушки».

– Вам приходилось взрываться? – спросила Джин. – Я полагаю, да.

– Здесь всем приходилось, хотя бы по разу, – ответила за Шлихта Кейт. – Удовольствие невеликое.

Она слегка толкнула Боба в плечо.

– Помнишь ту жестянку? Похожа была на обычную банку, они к ней ради издевательства даже христианский крестик прилепили. Она как-то сбоку лежала, и сканер пропустил ее. Когда на нее наехали колесом, был такой грохот, все затряслось, потемнело, я протянула руку, чтобы схватиться за край сиденья, верите, мэм, я не видела своей руки, такой густой был дым. Белая гигантская вспышка, шум, если бы не броня, мы все погибли бы. Я не перестаю благословлять того парня, который сделал наш «буффало», а заодно и Господа Бога, мэм, они оба поработали на славу. Нам повезло. Но картина была страшная. У «буффало» весь бок искорежен, кучи песка вокруг. А жестянка всего-то была ничего, с хоккейную шайбу, наверное. Маленькая такая штучка.

– Зато удаленькая, – добавил Шлихт.

– Сэр, кажется, провод Ангела...

Голос водителя головного бэтээра сержанта Беннета прервал их разговор.

– Всем стоять, – резко приказал Шлихт. – Простите, мэм.

Он наклонился к монитору, внимательно рассматривая увеличенное изображение.

– Да, похоже на медный провод. Талибы любят использовать такие провода, чтобы привести в действие СВУ, которые детонируют вручную, – объяснил он Джин. – Закапывают заранее, потом идет дождь, проезжают машины, становится незаметно, что тут кто-то рылся, и провод тоже скрывается в пыли и в камнях. Заметить его очень непросто, Беннет молодец. У него орлиный глаз. Он взглядом может увидеть больше, чем даже обнаружит сканер. У него нюх на СВУ.

– Мы только вчера проезжали здесь, возвращаясь на базу, и ничего не было, – раздраженно заметила Кейт. – Когда они успели устроить это? Вон там небольшое селение, – она махнула рукой направо, – под деревьями сидело несколько местных, я послала сержанта спро-

силь их, не видели ли они в окрестностях кого чужих. Специально так сделала, с женщиной эти старейшины не очень-то желают разговаривать, предубеждение у них. Они ему – мол, никого не видели, мы лояльны властям, если кого увидим, сразу сообщим...

– Местным верить нельзя, – Шлихт поморщился. – Они все заодно. Ты заметила, сколько раз проезжаем по этой деревне, а хоть одного ты можешь узнать в лицо? Ни одного. Все одинаковые. У всех одинаковые рубахи, тубетейки, чалмы, жилетки. Это как торговцы наркотиками в Чикаго или еще где, они специально одеваются все одинаково, чтобы полицейские их друг от друга не отличили, кто продал – тот, этот, все друг на друга похожи. Так и тут. Они специально водят нас за нос, всё они знают, но помогать не хотят.

– Сэр, – в наушниках снова послышался голос водителя «хаски», – сканер показывает какой-то большой пакет, сейчас исследуем.

– Вышлите робота, действуйте аккуратно.

– Слушаюсь, сэр.

Наступила напряженная пауза, все молчали, глядя на монитор.

– Сэр, – заговорил Беннет. – Мина восемьдесят два миллиметра, похоже, с белым люминофором. Провод взрывателя идет в наконечник...

– Я вижу.

– Кроме того, еще одиннадцать минных снарядов и емкость с топливом.

Шлихт присвистнул.

– Хорошо подготовились. Не заметь Беннет этот провод, нам бы пришлось несладко. Пусть робот переместит составные части на безопасное место, – распорядился он, – мы все отъедем подальше. Потом взорвем все это к черту. Пусть местные попрыгают в своих постельках. Хотя я уверен, они уже давно на ногах и наблюдают за нами. Собрались где-нибудь в укромном местечке, посмотреть, как мы взорвемся. Всем назад, задний ход, – приказал он. – Во всяком случае, я в такой ситуации всегда думаю: хорошо, что я сижу на броневику и моя страна потратилась на то, чтобы обеспечить мне минную защиту, а пешему я бы не позавидовал. Хотя с пешим они бы не стали связываться. Эти партизаны где-то здесь, недалеко, не исключено, что они среди местных и поджидали нас. Но не вышло.

БТР вздрогнул от взрыва, Джин отвернулась – пыль и дым, влетев в окно, в мгновение окутали ее, забили глаза и нос, она даже не успела воспользоваться защитными очками.

– А я в таких случаях радуюсь, – заявила Кейт. – Когда мы находим СВУ такого типа, за которым они наблюдают. Не вышло у них представление. Не удалось порадоваться, мы их сделали в очередной раз. Так что придется еще разок постараться, ребята.

– Надо думать, за этим дело не станет, – Джин сдернула перчатку и протирала глаза платком. – Они вообще способные, как я смотрю.

– Еще бы. У них других занятий здесь нет, как только нам СВУ подкладывать.

– Все чисто? – осведомился Шлихт у водителя «хаски».

– Так точно, сэр.

– Тогда двигаемся дальше. И так же медленно, без спешки. Таких подарочков, как тот, который мы только что получили, здешний гостеприимный народец приготовил нам немало, это совершенно точно. Обычно мины здесь небольшие, – объяснил он Джин, – по двадцать или двадцать два килограмма. Но на прошлой неделе наш патруль наткнулся на штучку в двести килограммов, представляете, мэм?

– Представляю слабо, – откликнулась Джин. – Участвовать не хотела бы.

– Никто бы не хотел, – согласился капитан, – но некоторым пришлось. Сканер не обнаружил устройство, закопано было слишком глубоко, прошел над ним. «Буффало» подорвался, к счастью, пострадавших не было, броня спасла. Но броневик потерян. Когда я говорю – потерян, я имею в виду, что он вообще не подлежит восстановлению. Вот так-то.

– Мне парни из того патруля рассказывали, что их так встряхнуло, что тело потом болело три дня, ни рукой, ни ногой не пошевелить, – добавила Кейт Стролл. – Не хотелось бы испытать подобного. Но, как говорится, на все Божья воля. Наше дело настроиться и не расслабляться, не ослаблять внимание.

– Сэр, впереди колодец, заросли саксаула и сухая полынь, – доложил по радиосвязи Беннет. – Там только что суетились люди, двое в белом пешие и один на мотоцикле. Мне это не нравится, сэр.

– Колонна стоп, – приказал Шлихт. – Вот так, мэм. И двадцати пяти метров не проехали. Эти ребята всегда работают в группах, человека по четыре, по пять, уверен, Беннет еще рассмотрел не всех, кое-кто там наверняка прячется. У них все обязанности распределены. Один изготавливает СВУ, один устанавливает, один проводит провод, еще один взрывает. Они не носят форму, как и в Ираке, вы никогда не догадаетесь, что это враги. У них на лбу не написано, что они талибы.

– У этого парня что-то очень чистая бурка, – продолжал Беннет, – просто идеально чистая. А у второго, как я вижу в бинокль, лицо не деревенского, скорее городского, образованного человека. Нет, они не могут быть местными жителями, сэр. Никак не могут. Не похожи. А парни за их спинами, собирающие хворост, – это, скорее всего, наблюдатели. Они нас заметили, сэр. Парень в бурке выбежал на дорогу, потом бросился назад, двое сели на мотоцикл и умчались в сторону деревни. Остальные тоже быстро расходятся.

– Я полагаю, комментарии излишни, мэм, – Шлихт криво усмехнулся, бросив взгляд на Джин. – Мы появились чуть раньше, чем они нас ожидали. И мы застали их за их грязным делом. А появившись мы на несколько минут позже, все было бы тихо и спокойно, никаких примет, и не исключено, мы бы подорвались на их подарочке. Ожидать можно все, что угодно. Никакой опыт не помощник, каждый день все приходится начинать сначала.

– Они могут ставить СВУ по десятку раз в одном и том же месте, им что, из чего его сделать, у них всегда найдется, – раздраженно добавила Кейт и повернулась к Дустуму. – А этот старейшина вчера предлагал вам с сержантом выпить чаю, помнишь? Могу поспорить, эти ребята в бурках посетили его куда раньше нашего и он все знал.

– Местным доверять нельзя, я не устаю повторять, не только вам, но и себе, – ответил переводчик. – Всегда надо быть настороже.

– С катера ни ногой, чертовски верное решение, – негромко произнесла Джин. – Как сейчас наверняка процитировал бы Майкл.

– Что, мэм? – переспросила Кейт.

– С катера ни ногой, – повторила Джин. – Полковник Фостер очень любит эту цитату из фильма. Нельзя сказать, что она здесь нестати.

– Сэр, земля мягкая, – доложил Беннет, – под ней явно что-то есть. Продолжаю сканирование.

– Беннет у нас ас, – заметила Кейт. – Он просто чувствует эти СВУ. Не зря же он получил прозвище Ищейка.

– Ищейка? – удивилась Джин. – Я что-то подобное недавно читала.

– Да, да, мэм. Так звали героя в фантастической книжке Аберкромби, ну, этой, про Логена Деятипалого, в его трилогии, у нас она есть в библиотеке здесь, на базе, я ее читала. Вы правы, Беннета стали так называть по этой причине. Вообще он лучший водитель «хаски» здесь, в Афганистане, – сказала Кейт с уважением. – У него нюх на СВУ. Если эти парни что-то зарыли, он обязательно найдет.

– Да, это вам не в кабинете сидеть с девяти до пяти, – усмехнулся Шлихт, – не убивать время, поглядывая на часы. Тут надо смотреть в оба, как бы тебя не убили. Уверен, эти парни далеко не убежали. Они где-то рядом и наблюдают, что мы будем делать.

– Сэр, поступило два сигнала с радара, – деловито сообщил Беннет. – Похоже, один заряд прямо посреди дороги, а второй чуть ниже...

– Я вижу его на картинке, Джек. Это нажимная пластина, под самой поверхностью. Сетевой шнур указывает на нажимную пластину, мэм, – Шлихт показал Джин изображение на мониторе. – Нужны положительный и отрицательный полюса, чтобы замкнуть цепь, когда на пластину наступят или наедут гусеницей.

– Я выпускаю робота, сэр, – доложил Беннет. – Полагаю, это займет некоторое время.

– Мы не торопимся, Джек, – пошутил Шлихт. – Особенно на тот свет.

Он заговорил по рации:

– Гардиан-один, Гардиан-один, слышите меня, вызываю базу. Обнаружены два устройства, высылаю копию распечатки сканирования, блокпост один-два, слышите меня? Прием. Да, самодельное взрывное устройство, приводимое в действие жертвой, то есть нажимная пластина.

– Очень простая штука, сэр, – к машине подошел сержант Беннет, в руках он держал две деревяшки, соединенные проводами. – Взгляните, провод снизу, провод сверху, все соединено к емкости на сорок литров с горючим, детонатор. Они даже из куска мусора могут смастерить СВУ, это просто кладезь талантов на эту тему. А что морочить голову? Немного нитрата аммония, немного алюминия, все смешать, взять пару проводов из машины, соединить, вот вам и бомба.

– А что провод? Куда он ведет? – серьезно спросил Шлихт.

– Сейчас радар поднимается, мы отъедем, будет видно, сэр, – ответил Беннет, возвращаясь к «хаски». – Вообще шнур двухжильный, самый обычный бытовой сетевой шнур, все очень просто, как всегда. Заряд, я уверен, такой же по конструкции, как и тот, который мы только что нашли. Разместить его здесь – пара пустяков, дорога идет наверх, здесь склон, начинается песок, поверхность неровная, заметить не так-то просто. Наверняка, метров двадцать-тридцать отсюда, не больше.

– Ищейка не остановится, пока не будет уверен, что все чисто и безопасно, – сказала Кейт. – Но надо как следует разобраться, что за террористическая группировка закладывает здесь бомбы. Еще раз как следует допросить того старейшину. Когда взорвем снаряды, надо заехать к нему. Будет знать, как водить нас за нос.

– Сэр, взрывное устройство обнаружено, – послышался в наушниках уверенный голос Беннета. – Зароем его поглубже и взрываем. А к слову, сэр, кто взял сегодня из моей тумбочки шоколадные батончики, которые мне прислала мама?

– Батончики украли повстанцы.

– Попрошу не ерничать. Мои солдаты не могли этого сделать, они знают, что со мной по поводу шоколада лучше не связываться. Неужели мне надо закрывать тумбочку и прятать конфеты от начальства?

– Я угостил конфетами Кейт...

– Моими конфетами?! Это нахальство, сэр.

– Джек, не отвлекайся, мама пришлет еще, она тебя не забывает.

– Это правда, – сержант весело рассмеялся. – Хорошо, что она не знает толком, чем я здесь занимаюсь. Она думает, что я просто разъезжаю спокойненько на бэтэере и успокаиваю дикарей, грозя им винтовкой, что-то наподобие полицейского в квартале, где полно мексиканцев. И у меня уйма времени, чтобы съесть шоколадный батончик, а то и что-нибудь посерьезнее. Просто сиди и жуй – не служба, а отдых.

Он обратился к своим помощникам:

– Ракер, все готово?

– Так точно, сэр.

– Тогда огонь, – командовал Ищейка. – Взрывать эти устройства весело, подрываться на них кисло.

– Мэм, там, кажется, появился этот старейшина, с которым я разговаривал вчера.

Сержант Ракер махнул рукой в сторону деревни.

– Да, да, это он, в белой чалме и с пышной такой бородой.

– Я говорю, они следят за нами, – криво усмехнулся Шлихт. – Увидели, что затея не удалась, мы не подорвались, а нашли их устройство, вот они и вышли, чтобы отвести от себя подозрения.

– Пойду-ка я потолкую с ним, и без сантиментов, – лейтенант Стролл спрыгнула с машины.

– Кейт, осторожно, – предупредил Шлихт. – Смотри под ноги.

– Он там расхаживает, как дома, – откликнулась Кейт. – Там точно ничего нет, Боб. Дустум, пойдем со мной, переведешь.

– Я тоже пойду с вами, – решила Джин.

– Мэм, это опасно, – Шлихт попытался возразить, но Джин уже спешила за Кейт и Дустумом.

– Это твоя деревня?

Кейт решительно наступала на старика в белой рубаше с вышитым голубыми узорами воротником и кожаной жилетке. Половина его высохшего, испещренного морщинами лица была скрыта белой чалмой. Глаза глубоко запавшие, выражение трудно поймать, в лицо не смотрит.

– Ты вчера сказал моему сержанту, что на дороге ничего нет, а мы за пятнадцать минут нашли два СВУ. Это твои внуки? – она показала на двух подростков, сидевших на пороге дома. – Если ты не будешь мне отвечать, а тем более, если станешь меня обманывать, мои солдаты перевернут эту деревню вверх дном. Дустум, переведи. Что он говорит?

Услышав, что ему сказал переводчик, старик замахал руками и что-то затараторил на своем языке.

– Он говорит, мэм, что всем желает мира, – перевел Дустум. – Он не видел никаких чужаков, и никаких подозрительных устройств тут тоже нет.

– Старая песня, – Кейт безнадежно махнула рукой. – Он прекрасно знал вчера, что поблизости талибы, и не предупредил нас. Вы заметили, мэм, когда мы подъехали к деревне, детишек не было. Обычно они бегают вокруг домов, кричат, гоняют мяч, а тут никого. Тишина. Их не выпускали, ждали, пока пройдет патруль. Эти местные жители знали, что на дороге СВУ, и поджидали, когда оно взорвется, чтобы потом ходить безопасно. Нас они не жалеют, мы для них чужаки. Они не хотят сотрудничать. Если он говорит, что СВУ нет, а мы находим сразу две штуки, что я должна думать о нем?

Кейт пожала плечами, Джин молчала. В проеме двери показалась женская фигура, закутанная в белое покрывало. Джин заметила любопытный взгляд из-под паранджи – ее рассматривали. Старейшина обернулся, женщина тут же исчезла в доме.

– Кейт, идите сюда, ты зря теряешь время, – крикнул из машины Шлихт. – Мы уже закончили. Будем трогаться дальше.

Когда они приблизились, он упрекнул Стролл:

– Что ты хочешь от этих ребят? Они воюют уже лет пятьдесят, не меньше, между собой, с русскими, теперь с нами. Они давно уже выработали тактику, как надо вести себя, чтобы выжить. Они никому не верят, только присматриваются, на чьей стороне окажется преимущество, ту сторону они и займут. Залезайте в машину, и поехали. Получен приказ обследовать заброшенную деревню на предмет активности талибов, здесь недалеко, метров пятьсот, за дюнами. Придется спешиться. На бэтэрах по их деревне не проедешь, очень узкие улочки.

– О, как я это не люблю, – простонала Кейт, усаживаясь рядом с Джин, – наглотаешься пыли, но этого мало. Ходить пешком по земле, начиненной взрывчаткой, – вот удовольствие, верно, мэм? У пешего, нарвавшегося на СВУ, шансов нет, запросто разорвет на куски.

– Госпожа полковник с нами не пойдет, – сказал Шлихт. – Останется в машине. Еще не хватало, чтобы мы лишили армию Соединенных Штатов ее лучшего медика.

– Я сама решу, что мне делать, Боб, – Джин улыбнулась. – По званию я здесь самая старшая, так что вполне могу располагать собой.

– Мой долг – предупредить вас, мэм, – ответил Шлихт почтительно.

– Благодарю, Боб, – мягко ответила Джин. – Я думаю, все обойдется.

– Узкий проход. И пыли в самом деле много.

Джин протиснулась вслед за Кейт между серых глиняных стен и оказалась в полукруглой комнате с одним окном, закрытым обрезком доски. Скучного света было достаточно, чтобы рассмотреть, что лежало на полу.

– Это какой-то хлам, – Джин пожала плечами.

– Не двигайтесь, мэм, – Шлихт остановил ее. – Это не просто хлам, а весьма опасные штуки. Вон там, в углу, совершенно точно шестидесятимиллиметровая мина, а рядом хвост снаряда, его вполне можно использовать, по их понятиям, мэм. Начинить гвоздями, болтами, подшипниками, вставить взрыватель, и готово – нажимная пластина. Если, не дай бог, наступите на такую вещицу, все, что в нее заправлено, полетит в вас, и я не уверен, что вы успеете попросить Господа милостиво вас встретить – так быстро вы к нему отправитесь. Еще раз не дай бог, конечно. Но это в равной степени касается каждого из нас.

– Я понимаю, Боб, – Джин кивнула.

– Сэр, тут в противоположном углу две деревянные штуки, похожие на большие тарелки, – доложил Ракер, – под ними угольный стержень, обернутый белой лентой наподобие скотча.

– Обследуйте все это внимательно, – приказал Шлихт, – и произведите зачистку.

– Эта деревня недалеко от того места, где мы видели талибов, – заметила Кейт. – Не исключено, именно здесь они смастерили СВУ, обнаруженные нами на дороге. И старейшина знал об этом.

– Может быть, знал, может, и не знал, – Шлихт пожал плечами, – но как они устанавливали их, точно видел. Но промолчал, чтобы не связываться ни с ними, ни с нами.

Когда вышли на улицу, Шлихт подозвал к себе солдата.

– Всем рассредоточиться, – приказал он. – Двоих на крышу, следить за окрестностями. Когда заходишь в деревню, – пояснил он для Джин, – не исключено, что где-то в укрытиях могут сидеть их снайперы. Не раз случалось, когда все тихо, и вдруг раз – и ударят из гранатомета. Это война, в которой все непредсказуемо, никогда не знаешь, что ждет тебя за ближайшим поворотом.

– Сэр, впереди пластина...

– Всем стоять.

Не успели пройти и десяти метров по улице, как сержант Ракер, сканирующий дорогу, предупредил об опасности.

– Не исключено, что под ней емкость. Я обследую, сэр. Да, СВУ на батарейках, – доложил он спустя несколько минут. – Но не активная. Батарейка высохла. Видимо, установлена здесь давно.

– Они и на батарейках бывают? – удивилась Джин. – Никогда не слышала.

– В нашем деле много тонкостей, мэм, – усмехнулся Шлихт. – И такое случается. Талибы используют такие штуки, но они не очень надежные. Батарейки быстро разряжаются.

Он повернулся к сержанту.

– Ракер, раскапывать глубже нельзя. Мы не знаем, какой у нее взрыватель. Если он самодельный или излишне чувствительный, он может взорваться в любой момент.

– Ой, собака, – воскликнула Кейт. – Откуда она?

К ним подбежала худая рыжая дворняжка, и капрал Тейлор кормил ее кусочками печенья, оставшимися в кармане.

– Сейчас вернемся к машинам, я тебе дам еще, – сказал он.

– Тейлор, не отвлекайтесь, – одернул его Шлихт. – Успеете еще наиграться на базе. Уверен, эту собаку он точно потащит с собой, – сказал он Джин. – Большой любитель животных. Там у него уже есть парочка подопечных, бродячие собаки в Афганистане благодаря Тейлору скорее познакомятся с американским образом жизни, чем люди.

Шлихт продолжил распоряжаться:

– Ракер, окапывайте осторожно, чтобы не сдвинуть снаряд. Затем все отойдем в укрытие и взорвем его в земле. Сообщите Беннету описание СВУ, пусть доложит на базу.

– Сэр, тут идет провод, – через секунду доложил Ракер.

– Ничего удивительного, – сказал Шлихт. – Еще никогда не было, чтобы они устанавливали СВУ по одной. Они не скромничают. Идем по проводу, но след в след за сканером, ни шагу в сторону, всем ясно? Тейлор, оставь собаку. Смотри, куда ставишь ногу. Дустум, не отставай.

– Сэр...

– Назад! Что там?

– Кажется, еще одно такое же устройство с батареей, но на этот раз активное, – доложил Ракер.

– Очень хитро придумано. Расчет на то, что мы найдем неактивное устройство, успокоимся, а потом подорвемся на активном.

– Да, здесь вокруг мягко, – продолжал Ракер. – Земля явно перекопана.

– Я сожалею, мэм, – Шлихт взглянул на Джин. – Вашим студентам придется вас подождать.

– Что делать, – она пожала плечами. – Сама напросилась. Экскурсия по СВУ, буду знать.

– Двухтактная СВУ с изолятором, шарикоподшипниковое соединение, – Ракер осторожно приподнял жестянку под сканером, – батарея на девять вольт. Внизу восьмидесятимиллиметровая мина со шнуром-детонатором...

– Неплохая штучка, – Шлихт присвистнул. – Не зря прогулялись. Я где-то читал, что войны выигрываются ногами по земле. Чем больше протопашь, тем скорее одержишь победу. Похоже, это и к нам имеет отношение. Что ж, будем взрывать. Всем отойти. Пятнадцатиминутная готовность. Тейлор, не забудь пса. Ты уже придумал, как назовешь его?

– Дик.

– Вот так, мэм, – Шлихт только покачал головой, – мы тут возимся с миной, а кто-то сзади придумывает имена собачкам. А что еще делать, верно? Если улица узкая и пройти можно только по одному. Удобно.

Он огляделся.

– А где Дустум? Я его не вижу.

– Он прошел в тот переулок, сэр, – доложил Тейлор, показывая направо.

– Я же сказал, ни шагу в сторону! Почему ты не задержал его?

– Я не успел, сэр...

– Черт возьми!

Земля вздрогнула. Из проулка послышался взрыв.

– Стоять! Без паники! Тейлор, на место! Ракер, продолжайте заниматься миной.

Шлихт обернулся к Джин:

– Мэм, я прошу вас пройти со мной. Наверняка нужна помощь.

Она кивнула.

– Кейт, ты тоже. Всем остальным заниматься своим делом, никаких прогулок, – строго распорядился капитан. – Только по команде. Мэм, вы помните? След в след, ни шагу в сторону. Идите за мной.

– Я помню, Боб.

Они осторожно вернулись назад и свернули в проулок, сразу попав в облако дыма.

– Он спустил еще одно СВУ, – негромко произнесла Кейт. – Мне кажется, это нога, мэм... Оторвало ногу...

– Нет, все на месте, – остановил ее Шлихт. – Недалеко ушел Дустум. Вот он, здесь рядом, мэм.

– Сейчас я осмотрю его, – Джин направилась к раненому, но Шлихт схватил ее за руку.

– Стоять. Сначала все просканируем. Тейлор! Обследуйте все вокруг раненого, чтобы доктор могла подойти.

– Слушаюсь, сэр.

– Сколько раз повторять, нельзя ходить туда, где еще не проверяли радиолокатором? – упрекнул Шлихт переводчика.

Тот сидел, прислонившись спиной к стене, обмундирование на ноге было разорвано, ткань промокла от крови.

– Сэр, кажется, главный снаряд где-то рядом, он не сработал, – доложил Тейлор.

Он подмигнул Дустуму:

– Ты легко отделался.

– Ясно. Раненого надо переместить. Кейт, давай перенесем его на безопасное место. Там доктор осмотрит рану, и потом уже отправим к машине.

Шлихт сообщил по рации:

– База один-два, у меня раненый. Высылайте санитарную вертушку. Сообщаю координаты.

– Ну, как?

Дустума опустили на тщательно обследованное место. Джин наклонилась, осматривая рану.

– Кость цела. Можно сказать, царапина. Крови много. Но сейчас я наложу жгут и сделаю перевязку. Все обойдется, – успокоила она переводчика. – В самом деле, легко отделались.

Тот улыбнулся, но в глазах все еще стоял страх.

– У меня такое ощущение, что вся эта деревенька – не что иное, как опорная база талибов, – сказала Кейт. – Может быть, не стоит связываться с разминированием, а просто взорвать ее полностью. Что думаешь, кэп?

– Скорее всего, ты права, – согласился Шлихт. – Ракер, все выходим. Приготовиться к подрыву. Линейный заряд С-4, пустите робота, чтобы он расположил его. Как только робот вернется, будем взрывать.

– И часто приходится это делать? – спросила Джин.

Сделав укол обезболивающего, она ввела Дустуму антибиотик и накладывала повязку в машине.

– Частенько, мэм, – вздохнула Кейт. – Вы сами видели, у них здесь склад. Противотанковые гранатометы, стрелковое оружие, взрывчатые вещества. Такие запасы мы уничтожаем сразу. Вообще саперам Боба приходится разминировать по восемьдесят километров дорог в день, и такие склады попадаются не раз и не два, много. Нас придают Бобу в усиление, так что приходится видеть, мэм, как они работают.

– Робот вернулся, сэр, – донесся голос сержанта Ракера. – Все готово. Ждем приказа.

– Один, два, три. Огонь!

Мелькнула вспышка, раздался взрыв.

– Одним складом меньше, мэм, – заметил Шлихт, заглядывая в машину. – Как дела, Дустум? Я вижу, ты повеселел.

– Уже лучше, сэр.

– Чтобы командир мог спокойно спать, он должен знать, что сделал все, чтобы его солдаты как можно меньше подвергались опасности, – Шлихт забрался в броневик и уселся на свое место. – Тебе повезло, Дустум, что мэм сегодня оказалась с нами. Сейчас дождемся вертолета и двинемся дальше.

– Сэр, может быть, не надо эвакуации, – попытался возразить переводчик, – я закончу рейд с вами.

– Никаких разговоров, – отрезал Шлихт. – Пусть в госпитале все обследуют как надо. Успеешь вернуться. Я правильно говорю, мэм?

– Все правильно, капитан, – ответила Джин. – Я согласна.

Покрытое широкими багровыми рубцами лицо Милисы прояснилось, едва Джин приблизилась к ее постели.

– Я думала, никогда не увижу вас. Мне вообще казалось, что раньше я видела вас только во сне, – проговорила она, шевеля вздернутыми, изъеденными шрамами губами. – Что вас не существовало на самом деле. А потом я говорила себе: ты жива, а значит, и та женщина, которая лечила тебя в Сирии, она тоже существовала. Но лучше бы я умерла. Мне страшно смотреть на себя в зеркало.

Темно-карие глаза девушки заблестели от слез.

– О жизни никогда не стоит сожалеть, ей надо радоваться, – Джин присела на стул у ее постели, ласково взяла за руку, Борис встал за ее спиной, положив руки на плечи. – Я смотрю, ты хорошо уже научилась говорить по-русски, а раньше Снежана жаловалась, что плохо тебя понимала, немного по-русски, немного по-английски, а так все больше жестами.

– Да, я ведь не из Бухареста родом, из Яломицы, глубокая провинция. Русский у нас был в школе, но преподавали плохо, учитель то был, то нет, так и сдали кое-как. Английского и вовсе не преподавали. В Амаре техникум фармацевтический закончила. Там конкурса не было, недобор, желающих учиться было мало, легко поступила. А потом уж в Бухарест, в университет отправилась. Там меня на биологию приняли, у меня химия, биология, румынский язык – все хорошо было. А иностранный там не очень спрашивали, – она виновато улыбнулась, – можешь сказать по-русски «спасибо», «пожалуйста», «до свидания», и то хорошо. По-английски уже в Бухаресте читать научилась, чтобы книги читать по специальности, а говорить – нет, никакой практики не было. Да и то, закончила, а работы в Бухаресте не найти, своих хватает, вернулась в Яломицу, а там школу вскоре закрыли, учить некого, все в город подались. Вот искала работу, вербовщики в Сирию заманили, думала, найду применение по своей биологии, а они меня в бордель, мне даже в голову такое не приходило, документы отобрали, куда денешься? Так бы и умерла там, в Сирии этой, если бы не вы. А как Снежана? Мне сказали, она с вами уехала.

Она приподняла голову, заглядывая в лицо Джин.

– Она сейчас в Чикаго, – мягко ответила Джин. – Работает помощницей в клинике Линкольна, учится в медицинской школе. Твоя жизнь тоже наладится.

Джин легко сжала руку Милисы, прижимая ее к груди.

– Мы вот решили с господином Логиновым, тебе сделают пластическую операцию, все шрамы на лице уберут, уже скоро, – она взглянула на Бориса, он кивнул. – Может быть, не одна операция потребуется, это уже специалисты посмотрят. Но от шрамов твоих не останется и следа, так что можешь не переживать на этот счет ни мгновения. Это обязательно так будет. Не сомневайся. Ты снова станешь красивой. Как была. Немного надо потерпеть, во всяком случае, надо надеяться. Даже не просто надеяться, а верить, что все так и будет. На это уйдет еще несколько месяцев, это точно, может быть, даже полгода. За это время тебе надо определиться

со своей жизнью. Что ты хочешь – вернуться домой в Бухарест, остаться здесь в Москве, может быть, хочешь поехать в Чикаго, к Снежане? Это ведь на самом деле не я, она была первая, кто тебя спас. Она увезла тебя от Мустафы, наняла сиделку, чтобы ухаживать, меня вот нашла, позвала. Я ничего о тебе не знала. А когда она узнала, что я еду в Москву, сразу напонила, узнайте, мэм, если возможно, хоть что-нибудь о Милисе, забрал ее тот русский офицер или нет. Она о тебе волнуется.

– В Бухарест я не поеду, там мне нечего делать, – произнесла Милиса с горечью и покачала головой. – Все родственники от меня отказались. Узнали, что из меня проститутку сделали, мать сказала, чтоб на порог не показывалась, ей перед людьми стыдно. Если бы вы взяли меня с собой, госпожа, – она сжала руку Джин, заглядывая ей в лицо с надеждой, – я бы что угодно делала для вас. Самую грязную работу. Любую. Здесь я боюсь оставаться, здесь мне совсем не на кого положиться.

– Хорошо, когда вылечишься, поедem с тобой к Снежане в Чикаго, обещаю, – твердо ответила Джин. – За это время я все подготовлю для тебя – документы, жилье. Вот Борис мне поможет в том, что касается выезда из России. Так что тебе совсем не нужно расстраиваться.

Она наклонилась к Милисе, поправляя ей волосы на лбу.

– Сейчас главное – как можно скорее поправляться, чтобы началась новая, интересная жизнь.

– Она бы никогда у меня не началась, если бы не вы.

Голос Милисы дрогнул, она снова готова была расплакаться.

– Без вас мне даже надеяться было бы не на что и не на кого. Это просто Бог смиловился надо мной, что послал вас ко мне, – слеза скатилась по ее щеке. – Благодаря вам я снова начинаю верить, что все-таки в мире существует добро, а прежде он представлялся мне сплошь черным.

– Не надо отчаиваться. Не надо, – Джин успокаивающе погладила Милису по руке. – О тебе заботится столько людей. И я, и вот Борис, и господин Хомский, и его помощники. Вместе мы обязательно сделаем что-нибудь путное. Жизнь наладится, ты будешь с радостью смотреть на себя в зеркало, к тебе вернутся мечты, ты будешь жить в большом, красивом, современном городе и не будешь чувствовать там себя чужой, я тебе обещаю. Я познакомлю тебя со своей семьей, ты не будешь одинока. Возможно, ты продолжишь изучать биологию, возможно, найдешь для себя другую профессию. Обязательно встретишь человека, который станет тебе опорой, будет заботиться о тебе. Я уверена в этом. И все, что ты пережила в Сирии, забудется, как страшный сон. Все так и будет.

– Все так и будет, – тихо повторила за ней Милиса. – Жить в Америке, да еще иметь там работу, друзей. Разве я могла мечтать об этом? Мне до сих пор кажется, что все это какой-то розыгрыш, обман. Вы даже не представляете, какую жизнь я вела раньше, госпожа, в каком захолустье.

– Но я же не обман, не видение, – все так же уверенно ответила Джин. – Вот я, перед тобой. Ты можешь видеть меня, прикоснуться ко мне. Значит, и все остальное тоже не обман. Не сон, не бред. Все сбудется. Надо надеяться. Надо надеяться, дорогая.

Наклонившись, она поцеловала Милису в лоб.

– Я рад познакомиться со спасительницей своей пациентки.

Джин услышала приятный мужской голос и обернулась.

– Это доктор Хомский, – сказал ей Борис. – Привет, Геннадий. Я тебе звонил.

– Я был на консилиуме. Очень сложный случай. Геннадий, – он протянул Джин руку.

Джин встала.

– Джин Роджерс, – представилась она, ответив на рукопожатие.

Высокий, подтянутый, круглолицый, с широко расставленными светлыми глазами, доктор производил приятное впечатление.

– Вы, я слышал, военный врач? – спросил он у Джин. – Я в недавнем прошлом тоже. В некотором смысле, это особая специализация. Когда надо знать все и немного больше.

– Потому что на поле боя не с кем посоветоваться, кроме как с самим собой, – добавила Джин. – Так всегда говорила моя бабушка.

– А ваша бабушка?.. – Хомский удивленно приподнял бровь.

– Маренн фон Кобург-Заальфельд, может быть, слышали...

– Еще бы. Тогда понятно. Тогда ничему удивляться не приходится. Это самая высокая рекомендация.

Со скрытой иронией он спросил у Джин:

– Как вы находите вашу подопечную? Как мы справляемся? Она вам не пожаловалась?

– Пожаловалась, – Джин ласково провела рукой по коротко стриженным волосам Милисы. – Но не на то, как ее лечат, я вижу, ее состояние вполне удовлетворительное, соответствует тяжести того, что ей пришлось перенести. Даже лучше, чем я ожидала. Но здесь ей одиноко, конечно. Ничего, мы скоро позаботимся об этом. Она встретится со старыми подругами, которые ее ждут.

– Вы заберете ее в Америку?

– Заберу. Она сама так хочет, и я думаю, так будет лучше.

– Да, так будет лучше, – поддержал Джин Борис. – Во всяком случае, в Чикаго найдется немало людей, которые по просьбе Джин примут активное участие в судьбе этой женщины. Здесь на подобное трудно рассчитывать. Даже если подключить моего отца.

– Я не возражаю, – Хомский пожал плечами. – Я даже рад. Как только позволит ее состояние.

– Это бесспорно, – кивнула Джин. – Будем ждать полного выздоровления. И обязательно пластики. В Америку она отправится красавицей. Мужчины в аэропорту будут заглядываться на нее.

Джин ободряюще прикоснулась пальцами к плечу девушки, та едва заметно улыбнулась изуродованными губами. Казалось, она не очень верила, что это действительно произойдет.

– Нисколько не сомневаюсь, – согласился Хомский. – У Милисы по программе сейчас полынная ванна, а потом придет психолог. Ольга Алексеевна, вы помните?

Милиса кивнула, ее пальцы охватили запястье Джин, как будто она не хотела ее отпускать.

– Я никуда не уйду, – Джин взяла руку девушки в свою. – Я буду навещать тебя. Я еще некоторое время пробуду в Москве, и буду приходить к тебе. Часто. Обещаю.

Она заметила, что на глаза девушки навернулись слезы.

– У меня никого, кроме вас, нет, – прошептала Милиса.

– Я помню об этом, – ответила Джин и поцеловала ее пальцы. – Не волнуйся. Я никуда не денусь. Теперь мы будем вместе, пока ты не перестанешь во мне нуждаться.

В палату вошла медсестра.

– А вот и главный специалист по ваннам, – пошутил Хомский. – Отдаем пациентку.

Он обратился к Джин:

– Ольга Алексеевна жалуется на ее недоверие, а к вам, я вижу, она очень расположена.

– Будешь расположен, когда уже прощаешься с жизнью, а тебя достают с того света, – Джин качнула головой. – Ничего удивительного.

– Прошу в мой кабинет, – пригласил Хомский, направляясь к двери. – Буду рад угостить чашкой кофе.

– У тебя есть еще время? – озабоченно спросил Борис, взглянув на часы.

– Есть немного, – ответила Джин.

Ободряюще улыбнувшись Милисе, вышла за Хомским в коридор.

– Милиса замкнута от природы. Как многие выходцы из небольших селений и городов, она с недоверием относится к людям, которых не знает, ведь в таких поселениях обычно все друг с другом знакомы. Хотя она училась в университете, это должно было ее как-то раскрепостить. Но череда неудач, последовавших за тем, снова подорвали ее уверенность в себе. Я уже не говорю о последнем негативном опыте.

Они прошли по коридору и вошли в кабинет.

– Прошу, присаживайтесь, – Хомский показал Джин на удобное кресло напротив рабочего стола. – Сейчас принесут кофе. Борис?

– Я здесь, – Логинов придвинул себе стул.

– Я совершенно с вами согласен, Джин, – Хомский сел на диван рядом. – Я все время напоминаю об этом психологу. Но трудность состоит в том, что мы практически не знаем предысторию этой женщины, что с ней происходило до того, как она оказалась в Сирии. Вообразите, она ни звуком не обмолвилась Ольге Алексеевне ни об университете, ни о биологии, которой занималась. Всегда отвечает только «да» или «нет». Арефьевой, как я понимаю, не удалось завоевать ее расположение.

– Ну, как говорила моя бабушка, чтобы что-то понять о пациенте, надо взять на себя труд о нем всерьез подумать, не только на работе, но и дома, – ответила Джин. – Видимо, у вашего психолога много других неотложных дел. Надо понимать, что у такого рода людей из глубокой провинции далеко не самой передовой страны, какой является Румыния, даже отсталой сейчас страны, сознание немного устаревшее, мягко говоря. Их представления крепко связаны с вековыми традициями, которые устоялись в той местности. Я не удивлюсь, если окажется, что в детстве Милиса всерьез верила в вампиров и оборотней, даже если это детство пришлось на коммунистические времена. В таких провинциях государственные идеи живут отдельно, а давние народные обычаи – отдельно, параллельно, сами по себе. В этом корень той глубочайшей травмы, которую она получила, оказавшись вопреки ожиданиям в заведении Мустафы. Я не говорю о физических повреждениях.

Она взглянула на Бориса, тот опустил голову.

– Еще до того инцидента она уже находилась в состоянии сильнейшего стресса, потому что народный уклад, в котором она выросла, совершенно не позволяет никаких свободных сексуальных контактов вне семейных рамок. Хоть за деньги, хоть без денег, по зову сердца, так сказать. Даже думать об этом – табу. И хотя она училась в Бухаресте, то есть, конечно, видела, насколько более либеральными сейчас стали нравы среди молодежи в этой сфере, да и не только, не думаю, что она все это глубоко впустила в себя. Не исключаю, что на тот момент, когда все случилось в Сирии, она еще оставалась девственницей. Но выяснять это считаю ошибкой. Мне кажется, не надо вообще вызывать ее на разговор именно о тех событиях, чтобы, как советовал Фрейд, вытащить душевную боль наружу и изжить ее. Напротив, психолог должен разъединить в сознании пациента причину и следствие. Моральную и физическую боль. То есть не упоминать о самом стрессе, о травме, а направлять усилия на культивирование положительных ощущений. На заживление, на успешную операцию в самом ближайшем будущем. На проектирование будущего. Она должна увидеть свое будущее и поверить в него. Это будущее необходимо отделить от прошлого, а не связывать с ним. Чтобы девушка поверила в него. А все негативное просто вычеркнуть, как будто его и не было. Возможно, то, что ваш специалист не может найти к ней подход, как раз связано с тем, что она пытается вынуть из Милисы страхи прошлого, а та не поддается, начинает их оберегать и только еще больше на них заикливается. Надо иметь в виду, что по понятиям мест, где она родилась, это стыдно. Это очень стыдно, и она ни за что не захочет вслух говорить об этом. Надо пока оставить все это в покое. Говорить только о будущем, разбирать возможные его варианты, даже в мельчайших деталях. Вполне отдавая себе отчет, что в сознании девушки этого будущего просто не существует, оно рухнуло. Оно и прежде имело лишь призрачные очертания, она находилась

в отчаянном положении, и моральном, и материальном. Не зря же она направилась в Сирию, лишь бы найти себе какое-то применение, заработать на жизнь. А ловушка, в которой она оказалась, ее раздавила окончательно. Она страдает от обмана. Она не доверяет не только психологу, который с ней работает, а всему миру вообще. Все мостики разрушены, сожжены. Эти мостики надо наводить заново. Сама она с этим не справится. Если ее оставить без моральной поддержки, она вполне может покончить жизнь самоубийством. Через некоторое время, даже если ей восстановят внешность и она сможет передвигаться без посторонней помощи. И это будет выглядеть как ни с того ни с сего, а на самом деле – от глубочайшего внутреннего кризиса.

– Я обязательно поговорю сегодня с Арэфьевой, – Хомский очень внимательно выслушал Джин. – Видимо, ей действительно необходимо сменить тактику. И как можно скорее.

– Я помогу вашему психологу, – предложила Джин. – Мы видим, что мне Милиса доверяет безоговорочно, и это надо использовать. Эту связь упустить нельзя. Ее надо развивать, поддерживать. Пока я в Москве, я буду постоянно навещать ее. А дальше...

Она повернулась в Логинову:

– Борис, я прошу, поставь ей ноутбук, надо обеспечить ей доступ в сеть и научить пользоваться электронной почтой, скайпом, твиттером. Я буду общаться с ней на расстоянии, писать ей письма, посылать короткие сообщения. Чтобы она все время чувствовала мое присутствие. Кроме того, конечно, мобильная связь. Чтобы она в любой момент могла позвонить мне. Конечно, это дорого...

– Не имеет значения, я заплачу, – Логинов кивнул. – Главное, чтобы она поскорее поправилась.

– Я думаю, что дело быстрее пойдет на лад, – уверенно заметила Джин. – Я подключу Снежану, ее подругу по Сирии, они смогут общаться напрямую, без меня, у той уже немало подруг в Чикаго, она расскажет о них Милисе, с кем-то познакомит. Так мир будет постепенно снова раскрываться перед ней, она станет доверять ему, в ее душе поселится радость, уйдет этот страх и одиночество. Одиночество – вот что все тормозит теперь. Она чувствует себя загнанной в угол, боится прошлого, боится будущего. Надо, чтобы будущее само показало себя, и весьма в дружественном ракурсе, а прошлое... Оно никуда не денется. Из него надо взять хорошее, знакомство со Снежаной, например, их преданность друг другу. А все плохое предать забвению. Запретить упоминать об этом. Человеческая память имеет удивительное свойство стирать все неприятности, уничтожать все связанные с ними эмоции, оставляя лишь смутные очертания событий. Будем надеяться, что это свойство сработает.

– А как же я? – спросил Борис. – Мне надо перестать ходить к ней, чтобы она больше не вспоминала?

– Это сложный вопрос, – Джин задумчиво взглянула в окно. – Конечно, лучше бы не ходить. Но здесь, в Москве, она нуждается в постоянной заботе с твоей стороны, в первую очередь организационной. И тот же ноутбук, и лекарства, и процедуры. Можно полагаться на Геннадия, но он ведь тоже не всегда свободен. Нужно дублировать. Нет, раз уж вы с ней хоть как-то помирились, это тоже связь, эмоциональная связь, которую обрывать сейчас небезопасно. Мы не знаем точно, простила ли она.

Джин повернулась и посмотрела Борису в лицо.

– Но я почему-то думаю, что простила. Сегодня я не почувствовала у нее никакой агрессии к тебе. Даже когда ты положил мне руки на плечи, это не вызвало у нее негативной реакции. Бывает, когда пациент к кому-то привязан и доверяет только этому человеку, он оберегает его от всех посторонних, и уж тем более от тех, кого считает своими врагами, даже подспудно. Она прореагировала на твое присутствие спокойно. Я не ощутила никакого страха с ее стороны. Да, я склонна считать, что она простила. Может быть, не полностью, но в общем – да. Это огромное достижение и говорит о выздоровлении психики. Тем более, ты должен продолжать навещать

ее. Иначе твое исчезновение будет воспринято как предательство. Это будет еще хуже. Я его простила, а он исчез, он забыл обо мне. Но будь осторожен.

Джин наклонилась вперед и понизила голос.

– Часто случается, что существо, подвергшееся насилию, начинает идеализировать своего врага и даже влюбляется в него, это, кстати, очень свойственно женщинам, где-то даже часть природы. Если ты не хочешь этого в своей жизни, держи дистанцию, не надо слишком приближаться, подавать поводов. Иначе вместо выздоровления мы получим еще один глубокий стресс у больной, который будет вызван отказом. Хотя я не могу тебе указывать, возможно, ты сам питаешь к ней симпатию. Но, как правило, такие отношения, выстроенные на чувстве вины и обожествлении обидчика, очень болезненные, ничего хорошего из них не получается.

– Все, что я чувствую к ней, – это сострадание. И свою вину, безгранично, – признался Борис.

– И от этого, бывает, пробуждается любовь, – с улыбкой добавил Хомский. – Не пробуждается она только от благодарности. Хотя и такое исключить нельзя.

– Нет, в данном случае исключается все, кроме того, что я сказал, – резко ответил Борис. Хомский с удивлением посмотрел на него.

Дверь открылась. Появилась молоденькая медсестра в ослепительно-белом накрахмаленном халате. Она принесла кофе.

– Разрешите, Геннадий Петрович?

– Да, Марина. Поставьте сюда, – Хомский показал медсестре на стеклянный стол перед диваном. – Спасибо.

Девушка прошла в кабинет, из-под длинной белой челки, закрывающей брови, стрельнула взглядом в Бориса. Наклонившись, чтобы поставить поднос с кофейником и чашками на стол, довольно медленно расставляла их, как показалось Джин, используя паузу, чтобы показать Борису чуть отставленную в сторону ногу в тонком чулке со стрелкой и в босоножке на высоком каблуке. Борис же смотрел перед собой, размышляя о чем-то. Джин с трудом сдержала улыбку.

Зазвонил телефон.

– Прошу прощения, – Джин ответила на вызов и сразу же перешла на английский.

– Это Донна, – объяснила она Логинову. – Меня уже ждут в Экспоцентре на Краснопресненской.

– Идите, Марина, идите, – поторопил Хомский помощницу.

Недовольно поджав губы, медсестра удалилась, покачивая подносом в руке.

– Она положила на тебя глаз, я заметил, – шутливо сказал Хомский Борису. – Я имел неосторожность сказать ей, что ты не женат. Мне кажется, у нее мозги сдвинулись от размышлений, как заполучить такого мужа. Тебе она не нравится?

– Кто? – Борис с недоумением взглянул на него.

– Ну, Марина, только что заходила, – все так же с иронией продолжал Хомский.

– Я даже не обратил внимания, – поморщился Борис.

– Еще бы, я понимаю, – Хомский покачал головой, взглянув на Джин.

– Я благодарю вас, Геннадий, но мне надо ехать, – Джин отпила кофе из чашки и поднялась, взглянув на часы. – Звонила супруга нашего посла, меня ждут.

– Я отвезу тебя на Краснопресненскую, – Борис тоже встал. – Это недалеко.

– Если не встанешь в пробке, – заметил Хомский. – Я был рад познакомиться с вами, Джин. Помимо того, что это знакомство приятно мне лично, для меня оно имеет профессиональную ценность. Если позволите, я бы воспользовался возможностью получить консультацию по некоторым сложным случаям.

– Я всегда готова помочь, и не только в том, что касается Милицы, вот, звоните, – она протянула ему визитку. – Здесь адрес электронной почты, другие данные. Уверена, что вы можете рассчитывать и на помощь и поддержку моей мамы.

– Джин по матери княгиня Голицына, – сообщил Борис с улыбкой. – Ее мать – сопредседатель Международного Красного Креста...

– Я знаю. Поэтому и говорю, что это знакомство крайне важно и полезно для меня и моих коллег. Я обязательно воспользуюсь. – Хомский спрятал карточку в карман халата. – Я провожу. Надеюсь, пока мы расстаемся ненадолго.

– Пока я в Москве, я буду навещать Милицу регулярно, – ответила Джин, направляясь вслед за Борисом к двери. – Сегодня вечером, завтра утром.

– У меня сегодня две сложных операции, но я постараюсь быть, – пообещал Хомский.

– В крайнем случае мы обойдемся и без тебя, – пошутил Борис. – Врач есть, – он показал взглядом на Джин. – Ты-то зачем?

– Уж не сомневаюсь, – рассмеялся доктор. – До встречи.

Проводив их до лифта, он подождал, пока стеклянные двери захлопнулись, и снова направился в свой кабинет.

– Так значит, эта Марина – моя соперница? – спросила Джин Бориса, пока они спускались.

– Какая Марина? – Логинов поморщился. – Это все Гена придумывает. Я ее сегодня увидел в первый раз в жизни.

– Зато она, как я поняла, давно уже смотрит на тебя, – напонила Джин. – Нельзя же быть таким ненаблюдательным на вашей службе, господин полковник.

– А то у меня дел мало кроме этой Марины, – Борис взял Джин за руку, притянув к себе.

Мягко прошуршав, двери лифта открылись. Они вышли в просторный, светлый холл, отделанный искусственным мрамором.

– Я оставил машину недалеко.

Не выпуская руки Джин, Борис повел ее за собой. Она не сопротивлялась. Темно-синий БМВ третьей серии стоял рядом с реабилитационным центром на стоянке. Они спустились по лестнице. Дул пронзительный холодный ветер, снег мелкой сухой порошей сыпал в лицо. Борис нажал кнопку сигнализации. Пискнув, машина открылась, он распахнул переднюю дверцу.

– Прошу, садись.

Протянув руку, он помог Джин сесть.

– Твоя машина пока постоит у меня в гараже, – сказал Борис, усаживаясь за руль.

– Я приеду за ней на такси, – ответила она.

– Я бы пригнал ее, но, во-первых, ты не дашь мне ключи, это все-таки дипломатическая машина, а во-вторых, тебе незачем ездить самой по Москве, пока я могу возить тебя куда угодно.

– А как же служба? – спросила Джин с иронией. – Отменяется?

– Пока подождет, – Борис повернул ключ зажигания. – Впрочем, и на нее у меня тоже хватит времени. Ты же уедешь, а служба останется. Только она у меня и останется. А еще Рейси, как всегда.

– Но вот Марина готова скрасить ваше одиночество, полковник. Вы приглядитесь к ней. Все-таки ваш товарищ рекомендует.

– Я оторву Хомскому язык. Для чего он сказал это? Чтобы ты теперь иронизировала?

Борис уже повернул руль, чтобы выезжать со стоянки, но отпустил его, выключил зажигание и повернулся к Джин, наклонился, глядя в лицо.

– Мне никто не нужен, кроме тебя, – сказал он, понизив голос. – Пусть ты Зоя, пусть ты Джин, мне все равно. Ты понимаешь? Все равно.

– Понимаю...

Она обвила рукой его шею, отвечая на поцелуй. В сумке настойчиво зазвонил телефон. Отстранившись от Бориса, она вынула мобильник.

– Опять Донна, – сказала она, взглянув на номер на дисплее, – они меня потеряли.

– Сейчас едем, – Борис снова включил машину, – скажи, скоро будем.

БМВ прокатилась по стоянке, вырулила в переулок, остановилась у светофора перед выездом на проспект.

– Я попросила Майкла, чтобы они забрали мою машину из твоего гаража, – закончив разговор с Донной, Джин спрятала мобильник и снова перешла на русский.

– Я понял, – кивнул Борис, глядя перед собой на дорогу.

– Предупреди консьержку, – попросила она.

– Да, конечно. Как ты нашла Милису? – спросил он, перестраиваясь в левый ряд перед поворотом. – Хуже, чем ожидала?

– Нет, совсем не хуже, – ответила Джин. – Я предполагала, что ее психологическое состояние довольно сложное. Последствия нервного потрясения, которое она пережила в Сирии, переживания по поводу изменившейся далеко не в лучшую сторону внешности, Москва, совершенно чужой, незнакомый ей город, где она абсолютно одинока и ей не на кого положиться. Люди, которые лечат ее, – она не может доверять им в полной мере, потому что по большей части не всегда даже понимает, что они говорят. Все это, конечно, имеет негативное влияние. К тому же чудовищная интоксикация, с которой нам едва удалось справиться, это тоже не проходит бесследно. Ее организм сейчас – это поле сражения после того, как битва утихла. Оно покрыто трупами, убиты вредные носители, но и полезных бактерий, очень важных для правильного функционирования всех систем жизнеобеспечения, тоже погибло немало, их едва хватает, чтобы поддерживать ее силы. Все это требует длительного восстановления. На все это потребуется время. Депрессия, конечно, не способствует ускорению этого процесса. Но я надеюсь, что мое появление теперь окажет положительное влияние. У нее появится надежда на лучшую жизнь, и силы мобилизуются.

– Безусловно, в Америке ей будет лучше, – заметил Борис.

– Тебе жаль, что она будет в Америке? – удивилась Джин.

– Нет,нисколько, даже напротив, – ответил он. – Америка куда более гостеприимна к иностранцам, чем мы. У таких, как Милиса, больше шансов устроиться там. Хотя бы получить вид на жительство. Но это временное жительство будет даже лучше здешнего постоянного. Тем более, при твоей поддержке за нее можно не волноваться. Мне жаль, что ты будешь там. Далеко от меня.

– Но это случится не сегодня и не завтра, – она опустила голову ему на плечо, глядя на мелькающие по сторонам дороги дома. – Сегодня и завтра мы будем вместе, так что не надо об этом думать.

– Но случится, Джин, – он повернулся и поцеловал ее волосы.

– Давай не будем загадывать, – она стукнула пальцами по рукаву дубленки. – Может быть, мы поссоримся или так надоедим друг другу за эти несколько дней, что больше никогда не захотим видеться.

– Для меня это исключено, – ответил он. – Несмотря на ссоры. На твой характер. У меня было время подумать.

– Я не поверю, что ты рассчитывал снова увидеться с Зоей, – Джин подняла голову, с удивлением глядя на него.

– Не рассчитывал особенно, – признался он. – Но думал, как это сделать. Я думал о том, как уйти со службы, перейти в бизнес, куда меня давно зовут бывшие сослуживцы, и отправиться спокойно в Америку, чтобы попытаться найти тебя. Ведь я узнал твое имя, кто ты на самом деле, кто твои родители, узнал бы и где живешь, где тебя найти. Уже даже написал рапорт.

Он улыбнулся.

– Но отец ни в какую, у него чуть приступ не случился. Стало жалко старика, дал ему несколько месяцев, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Но сказал, что все равно уйду. Он пока не согласен, но куда он денется? Он не может решать за меня. К тому же эти выборы. Вся эта вакханалия и болтовня. Бородинское сражение. Отец не согласен, чтобы я вышел из системы, когда эта система, как в лучшие времена СССР, держит в руках всю страну. Но мне не нравится, как это происходит, если говорить честно. Я не вижу перспективы, кроме конфронтации и застоя, это мне представляется порочным кругом, который возвращает нас в середину семидесятых годов. Надо как-то двигаться вперед, но все построено не для того, чтобы двигаться, а для того, чтобы стоять на месте. И при малейшем движении может рухнуть. Вот что плохо. Не хочется жить с мыслью, что ты тоже принимал в этом участие. Я говорил, мой отец – насквозь советский человек. Но сам он скорее теоретик, чем практик, он лично никогда не бывал под пулями. Никогда не командовал вверенными ему людьми в боевых условиях. Он писал статьи, изучал, теоретизировал в кабинете. А те, кто побывал в Афганистане, в Чечне, как я, те многое поняли, их убеждения изменились. Вот сейчас ваши уйдут из Афганистана, талибы придвинутся к нашей границе. Будут проблемы, и немалые. А они вопят про агентов госдепа, несут еще какую-то чушь, изображают Америку врагом, вместо того, чтобы хорошенько подумать, как сделать так, чтобы этого не произошло. Но уже поздно, раньше надо было дружить с госдепом, не трещать всякую ерунду. Но с моим отцом об этом говорить бесполезно. Для него Америка – враг, и баста. Его так научили в советское время. И не только его, многих моих соратников. Две супердержавы, непрекращающаяся борьба – вот смысл. По-другому они уже не умеют. А время изменилось, ты правильно сказала. Приехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.